

Рифкат Гатупов

Фантасмагория

книга вторая

Утоление жажды

Рифкат Гатупов

**Фантасмагория. Книга
вторая. Утоление жажды**

«Accent Graphics communications»

2016

Гатупов Р. Р.

Фантасмагория. Книга вторая. Утоление жажды / Р. Р. Гатупов — «Accent Graphics communications», 2016

Сборник рассказов Рифката Гатупова является продолжением цикла «Фантасмагория», посвящённого жизни в Советском Союзе. Жизни, где от великого до смешного, всего один шаг. Посвящён он познанию жизни, погружению юности и молодости в океан страстей, при возникающих мыслях о сиюминутности того, что происходит. Это своего рода слепок времени, опять-таки поданный в фантасмагорической упаковке бывальщины и небывальщины.

© Гатупов Р. Р., 2016

© Accent Graphics
communications, 2016

Содержание

Утоление жажды	5
Билл Максвелл	6
1	6
2	8
3	10
4	11
Боевое отравляющее вещество	12
Бревно	15
Великий путаник	20
Весна	21
Вечер в лесу	23
Видение	27
Встреча в кинотеатре	30
Гулянов	32
Два дневника, записки и письма, или Небольшая повесть о любви	35
Прелестная девушка	39
Джюльетте семнадцать лет	41
Интимные диалоги	43
Жизнь – это тоже подарок	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Рифкат Гатупов

Фантасмагория. Книга вторая. Утоление жажды

Утоление жажды

Я пил из родников, из лужи пил,
Морскую воду пил, дождём питался,
И ощущения свои тогда любил,
И колодёзною водою восхищался.
Мне было хорошо, и я любил
Бродить как паладин тогда по свету,
И не одну тогда витрину я разбил,
Бросаясь из зимы так сразу в лето.

Билл Максвелл

1

Билл Максвелл взошёл на борт судна «Глория Силвер», направляющегося в Африку. Капитаном на корабле был известный Питер Скотт, по прозвищу Ржавый Меч.

Он гордился своим прозвищем, рассказывая всем о том, что происходит от знаменитого пирата Южных морей Рыжего Меча, историю которого, кстати, он придумал сам же. Капитан утверждал, что от Ржавого до Рыжего Меча недалеко. И это, как вы далее убедитесь, была истинная правда.

«Глория Силвер» отправилась сразу же после прибытия Билла на его борт. Билл Максвелл был нанят на корабль боцманом. Матросов было мало, всего лишь десять человек, а пассажиров не было вовсе.

Недавно кончилась вторая мировая война, поэтому ещё никто почти не плавал с мирными целями. По этой же причине на палубе стояли пушки, стволы которых, до поры до времени, были зачехлены брезентом. Корабль шёл с грузом никеля в Кейптаун, южноафриканский порт назначения.

Судно уже шло по океану две недели, когда на горизонте появился одинокий чужой корабль, очевидно торговое судно. Питер Скотт тотчас же приказал радисту передать сигналы «SOS». Чужой подплыл почти вплотную к «Глории Силвер» и тогда на палубу этого судна перескочили через борта матросы, вооружённые автоматами, а залп из пушки снёс рубку.

В результате этого непродолжительного боя чужой корабль был потоплен, а трюм «Глории Силвер» заполнился так легко пришедшим в руки богатством.

Судовой священник Карл сказал, в частности по этому поводу, следующее: «Мы думаем, что всё для нас пройдёт безнаказанно, спокойно, что никто ничего не видел и никогда не узнает. Но это не так. Ведь бог, всевышний всё это видел, и он себя ещё покажет, он ещё накажет нас, грешных. Поэтому, давайте вместе помолимся, и выбросим за борт всё это бесово добро».

Но никто его уже не слушал. Запах лёгких денег затмил всем разум, в том числе и Биллу. А капитан даже назвал отца Карла старым ослом. С тех пор на корабле все звали его только так. Команда раззадорилась неожиданной удачей, ей понравилось это дело, и она желала ещё биться и побеждать.

Не грех, конечно, признаться, что и Биллу понравилось новое ремесло. Но простим его, ведь у каждого есть, или ещё будут погрешности в жизни.

Долго потом впереди по курсу не было добычи, но вот появился торговый корабль, на первый взгляд, чисто внешне, абсолютно безоружный. Вероятно, он вёз добро каким-то прилизанным и сытым господам на другом конце света. «Глория Силвер» стремительно пошла на сближение с судном чужого торгаша.

Но внезапно на небе сгустились тучи, и на корабль налетела буря. Шторм, по-морскому. В мгновение ока вокруг стало темно, подул необыкновенно сильный ветер, и пошли крутые и высокие волны. Корабль куда-то понесло. Через несколько часов подобного плавания моряки, прямо по курсу их насильственного движения, увидели пенящиеся рифы.

– Спасите!

– Тонем!

Рука радиста торопливо выбивала строчки в радиоэфир: – SOS... SOS... SOS... Спасите наши души...

На других кораблях, находящихся в океане, приняли сигнал бедствия, но никто по такой погоде, при таком шторме даже не двинулся на спасение. Своя рубашка ближе к телу. Шторм действительно был слишком сильным. А корабль уже врезался в рифы.

Мерзко заскрежетала разрушающаяся обшивка, и в трюм хлынула забортная вода. Вдруг ещё один сильный порыв ветра каким-то образом сорвал судно с каменистых рифов и снова бросил его, теперь уже повреждённое, в открытое море. Корабль начал медленно, но верно тонуть.

На палубе полуразрушенного и полузатонувшего судна столпились в небольшую кучку моряки и смотрели с надеждой в небо. Но на небе по-прежнему ничего не было видно. Даже звёзд.

Волны, набрасываясь на незащитный корабль, то вбегали с левого борта на палубу, то вновь уходили, но на место ушедших волн набегали новые. И так бесконечно. Они с каждым разом всё больше и больше увеличивались в размерах. Крен корабля усиливался.

Глухой ночью, в полночь, корабль «Глория Силвер» наконец затонул...

Из всей команды спаслось лишь пятеро: боцман Билл и четверо матросов. Они смогли взобраться на рифы. К утру рядом с собой они увидели на воде, неподалёку от рифа, какой-то продолговатый предмет. Волны вскоре поднесли его ближе. Это была резиновая лодка.

Подняли её на риф. Бросили жребий. Вышло: плыть дальше Биллу и двум матросам. Лодка могла вместить максимум троих. Двое должны были остаться на рифе. Умирать, или надеяться на случайное спасение – это было уже их дело.

Правда, в море, на слабенькой резиновой лодчонке, тоже было очень мало шансов на спасение.

Тут же, прямо на рифе, они по-братски разделили доставшиеся им припасы из НЗ на лодке.

Сразу после этого боцман и два матроса поплыли в открытое море. Двое других остались на чём-то, что хотя бы отдалённо напоминало сушу. Шторм уже стих, и они надеялись, что какое-нибудь мимо проходящее судно обнаружит их и спасёт от неминуемой смерти.

Но вдруг резко хлестнула огромная волна, и матросов сразу смыло в воду, даже следов от них не осталось. А Билл и двое матросов, быстро и напряжённо работая вёслами, всё дальше и дальше удалялись от этого вдвойне печального места.

От судьбы не уйдёшь. Тот, кому суждено умереть на виселице, в море не утонет.

Они уже достаточно долго проплыли в море, часов пятнадцать, как вдруг резиновая лодка с шумом лопнула, очевидно, зацепившись за что-то острое. Боцман и матросы сразу же бросились в холодную воду. Жить-то хочется, а вдруг повезёт...

2

Они уже зверски устали бороться с волнами, совсем выдохлись, как вдруг матрос на что-то показал.

– Билл! – позвал он боцмана, – подо мной земля!

Из последних сил они, поддерживая друг друга, выбрались на песчаный берег. Их осталось только двое. Третий – утонул.

Билл Максвелл и матрос, которого звали Джон Корвент, медленно побрели в сторону густых зарослей, обширно обнимавших этот, оказавшийся для них спасительным, берег.

Небо сначала порозовело, а потом начало приобретать свою обычную ярко-голубую окраску. Над горизонтом стремительно поднялось ослепительное солнце. Оно яркими лучами озарило лазурное море. Волны вдруг заблестели, засверкали, зазелели.

Джон и Билл немного отдохнули, лёжа на золотистом, необыкновенно чистом и тёплом песке, и опять пошли в сторону зарослей. И вскоре желанная сейчас ими прохлада, дар богов, накрыла путников и нечаянных гостей этого, очевидно, острова от палящих лучей жаркого солнца.

Морякам было хорошо лежать в тени кустарников и высоких деревьев, ощущать под собой земную твердь и пробивающуюся сквозь неё мягкую, пощипывающую обнажённую кожу, шелковистую траву. Что может быть прекраснее, чем спастись от, казалось бы, неминуемой гибели, и лежать, ничего не делая? Просто лежать и ничего не делать.

Наши потерпевшие крушение моряки очутились в настоящих джунглях. Странно было им, людям, относительно привыкшим к удобствам цивилизации, внезапно очутиться почти, что в райском саду.

Они имели возможность слушать до умопомрачения упоительную тишину, наполнявшую собой весь этот благословенный край. После несмолкаемого индустриального шума, сигналов паровозов и автомобилей, после рёва машин они имели возможность наслаждаться тишиной. Тишина едва нарушалась прелестнейшим пением неизвестных для них птиц.

Диких зверей ещё не было видно, а пищи тут вполне было достаточно, тем более для двоих: везде вокруг росли кокосовые и финиковые пальмы.

Впоследствии Джон ещё обнаружил, прямо в чащобе почти не проходимых джунглей, дикорастущие растения – табак и хлебное дерево. Жить в этом мире было можно, и можно было жить очень даже хорошо.

Билл и Джон вскоре обнаружили, что они действительно оказались на необитаемом острове, а не на материке, как втайне надеялись. Большая земля была далеко, и почти недостижима.

Постепенно моряки, потерпевшие крушение, спасшиеся от неминуемой гибели приспособились к жизни на острове. Построили себе хижину, завели себе небольшой огород. Обзавелись примитивным хозяйством – деревянными ножами из железного дерева, каменными топорами, глиняными самодельными чашами и кувшинами для воды. Жизнь протекала медленно и неторопливо, спокойно и безмятежно.

Так пролетело два года. Найти их так никто и не нашёл. Очевидно, что и не искал. На континенте, в порту приписки, по всей видимости, посчитали, что раз корабль затонул, то это означает одно, что все утонули. Есть человек, есть проблема. Нет человека – не проблемы. Только однажды, высоко в небе, далеко и недостижимо, пролетел большой самолёт. За исключением этого события, жизнь на острове в эти два года действительно была спокойной и безмятежной, даже слишком.

Но настал миг, и Джон прибежал к хижине с радостным криком: Шлюпка!

– Шлюпка! Шлюпка! – кричал он истово и самозабвенно.

Билл побежал вместе с ним на берег, где действительно что-то чернело. Они бежали долго, но, наверно потому что были теперь сильны и быстры, дошли до берега быстрее, чем в первый раз, когда попали на этот остров. Всё равно к этому времени уже стемнело.

На берегу вверх днищем лежала шлюпка.

– Не тот товар, – недовольно сказал Билл, и показал Джону на огромную дыру в днище.

– Всё равно. Ты подумай, ведь это наш шанс вернуться!

– Один из миллиона! – сердито ответил Билл. – Интересно, как она раньше не затонула, и какой чёрт донёс её до нас.

Но всё же, через неделю, он отошёл от своего раздражения и тоже взялся за работу по ремонту. В шлюпке оказались два топора, пила и один бочонок с провиантом, они были крепко-накрепко прикреплены к днищу. Всё это послужило хорошим подспорьем в работе и материально стимулировало к возвращению на Большую землю.

Работа была нудная, да и кому бы понравилась возможность долго и упорно стучать топором, почти не разгибая спины, хотя бы даже и подогревала в глубине души мысль о возможном спасении. Но, что бы ни было, как бы это ни происходило, шлюпка, в конце концов, была починена и вполне готова к плаванию. Билл и Джон решили испытать её в плавании вокруг острова.

Они вышли на рассвете. Погода была отличная. На небе не было ни облачка. Джон и Билл поочерёдно гребли. Пока один грёб, другой зарисовывал проплывающий мимо берег карандашом на бумаге, которые они тоже нашли в лодке.

Островитяне не взяли с собой никакой еды. Они о ней совершенно забыли. И вот, после пятичасовой морской прогулки, их стал мучить голод. Они повернули назад. Вернее, попытались. Обратно плыть было очень трудно, их сносило ранее ими неощутимое течение. Нещадно пекло солнце, руки устали, а в голодном желудке злодейски урчало. К тому же ещё им мешал внезапно возникший встречный ветер.

Шлюпка остановилась, а потом, несмотря на сопротивление уставших моряков, её начало сносить в открытое море. Ветер всё усиливался, волны увеличивались в размерах и накидывались на беззащитную перед силами природы шлюпку. Они становились не просто большими, но – огромными. Удивительно, как лодка не потонула.

Вот пошёл сильный порыв ветра, побежала вначале слабая волна, с каждым мгновением увеличиваясь в размерах, покрываясь бесчисленными капельками пены. Она бушует, накрывает лодку сверху, падает на неё с огромной высоты, рассыпаясь при этом на миллиарды сверкающих, прозрачных капелек, которые, стремительно летя вниз, превращаются в смертельную лавину. И тогда волна исчезает. Волна исчезает, но через секунды вновь возвращается и идёт, идёт на шлюпку, бессильная в своей ненависти, но становясь с каждым разом мощнее, огромнее, страшнее!

Удивительно, как шлюпка не затонула!

Лодку носило в океане в течение двух суток. Только после того её, наконец, прибило на знакомый берег вместе с усталыми людьми, уже успевшими проклясть и бога, за свои мучения, и чёрта, что подсунул им этот соблазн и не пришёл на помощь.

Люди надёжно закрепили лодку и, добравшись до леса, до своего постоянного места пребывания, до своего жилища, досыта наелись и заснули долгим, беспробудным сном.

С этого времени Билл приказал Джону всегда брать в любую дорогу недельный запас продовольствия, так, на всякий случай. После этого они совершили ещё пять непродолжительных плаваний. Так прошёл ещё один год.

3

Однажды Биллу почудилось, когда он стоял на берегу, что где-то вдали, далеко-далеко, виднеется как мираж длинной полупрозрачной полосой незнакомый берег. Билл с усилием протёр глаза, и видение, к его огромному сожалению исчезло.

Билл и Джон долго советовались, кричали друг на друга, и наконец, пришли к единому мнению, что это всё-таки был мираж. Фата Моргана, как говорится. Его больше не было видно.

Вскоре они решили более обстоятельно осмотреть место, куда их забросила жестокая судьба.

Ровно в полдень экспедиция отправилась в новое, седьмое по счёту плавание. Теперь они гребли вдвоём, но всё равно было тяжело. Плыли они долго, но не решились отплывать от острова достаточно далеко, и остановились в открытом море на отдых.

Наступила ночь, а утром Билл и Джон с ужасом обнаружили, что их знакомый берег исчез. Очевидно, что шлюпку опять снесло течением с первоначального курса. Обеспокоенные этим обстоятельством люди вновь начали грести. Они плыли долго, и, увидев берег, облегчённо вздохнули. Решили возвращаться на остров и утроили свои усилия на вёслах.

А на небе опять сгущались тучи. Вновь надвигалась буря. Не было видно птиц, только какой-то крылатый демон истошно вопил в облаках. Ударил гром, и с небес посыпались молнии. Потом вода опять хлынула на шлюпку.

Охваченный суеверным ужасом Джон скорчился на дне, а Билл, чертыхаясь, вычерпывал воду деревянной чашей. Буря начала было стихать, но потом опять ударил страшный гром, рванул страшной силы ветер, лодку подняло в воздух и стремительно понесло к берегу. Шлюпка неслась туда с ужасным треском. Стало ясно, что она доживает последние минуты и сейчас развалится. Её швырнуло с огромной, ужасающей силой на берег.

Последнее, что успел заметить Билл, это были чёрные камни...

4

Буря скоро утихла. На небе снова появилось яркое жгучее солнце.

Очнувшись, Билл с удивлением обнаружил, что он находится на другом, на чужом и незнакомом берегу. Его осенила догадка. Они на другом острове, а может быть и на материке!

Он расштал лежащего под обломками разбитой шляпки, стонущего Джона, вытащил его и направился с ним в сторону чёрных камней, высоко поднимавшихся над землёй. Кое-как моряки взобрались на вершину и стали осматривать окрестности.

Они с горечью обнаружили, что этот остров, и остров такой же необитаемый, как и первый. Вдруг их взгляд упал на маленький оранжевый домик, находившийся на окраине чужого далёкого леса. Они сначала не поверили, но потом, убедившись, что это не мираж, начали своё продвижение, после спуска вниз, в ту сторону.

Они двигались достаточно быстро и скоро выдохлись, и сели отдохнуть. Набравшись сил, они почти побежали в сторону очага цивилизации в этом глухом заброшенном краю. Наконец дошли. Постучали, но без ответа. Открыли дверь и ошолбенели: всё покрывал толстый слой пыли. Это действительно был чей-то дом, но только давно. И уже давным-давно он был брошен людьми. Но что делать, надо было жить. Надо было всё начинать снова.

На этом острове Билл Максвелл и Джон Корвент прожили ещё пятнадцать благословенных лет, и никто их за эти годы не потревожил, никто их не нашёл. Да и им, честно говоря, уже не хотелось возвращаться в цивилизованный мир.

По истечении этого срока они одновременно заболели смертельной лихорадкой. А поскольку медицинскую помощь оказать им было некому, а лекарств у них, тем более, не было, то вначале умер Джон, а следом за ним и Билл, боцман с «Глории Силвер».

И сейчас, где в Тихом Океане лежит небольшой островок с не погребёнными телами моряков.

Боевое отравляющее вещество

Она была...

Это грустное слово – была.

Она есть, она будет. Но там, вдалеке. Со своими заботами, со своими проблемами, со своей работой, со своей семьёй...

А я здесь. И тоже наедине со своими проблемами.

Судьба свела нас вместе на короткий срок, и тут же разбросала в разные стороны. Мы не так далеко друг от друга. На самолёте часов пять – максимум. Но нас разделяет не расстояние, нас разделяет жизнь, нас разделяет судьба.

Если бы наша встреча состоялась на три года раньше! Или на четыре. Правда, тогда бы тоже было поздно. Или рано. Она ещё не была такой, какая она есть сейчас, после всего пережитого. Да и я был тогда другим. Я был не такой.

Четверть года. Много меньше виделись мы с ней. А если бы четверть века?

Она была. Нет, не была. Она есть.

Вначале было слово. Невнятное такое...

Вначале...

Нет, вначале был сразу смелый взгляд, который никто не заметил. Даже она.

Значит, он был не настолько смелый?

Вошла, и я сразу понял – она! Это та самая женщина, которую я ждал. Та женщина, которую верил; та женщина, на которую всегда надеялся. Женщина моей мечты. Обаятельная, умная, талантливая... Лежащая к сердцу и к душе.

Таких как она сейчас редко встретишь. Всегда найдётся что-нибудь, что отталкивает. Но у неё – всё было хорошо и близко. Даже, ещё не зная её имени, я уже знал, что люблю её.

Влюбился как мальчишка, с первого взгляда.

Потом было узнавание, приближение.

Она мило подшучивала надо мной, но тут же смех её замирал, и переходил в свою противоположность. Она становилась задумчивой и серьёзной. Её останавливает чувство ответственности. Кроме того, она готовится к экзаменам.

Да, хорошо домысливать за других, особенно когда не знаешь, что они думают на самом деле. Но это и есть право влюблённого на влюблённость – всё видеть в положительном свете, так, как ему хочется, и истолковывать все поступки любимого человека в благожелательном для себя виде. Это и есть право влюблённого. Право пылать химерой и надеяться на несбыточное.

Хотя нет ничего несбыточного, если особенно, если очень этого захотеть. Я постоянно держал её в поле своего зрения. Даже не приближаясь к ней, я видел, на что она смотрит, чему улыбается, о чём думает.

Мы с ней решали кроссворд, и не было тогда человека счастливее меня. Быть рядом с ней, разговаривать с ней и слышать её дыхание. Видеть её чудеснейшую улыбку, прелестную игру её замечательных глаз, ощущать её внимание и работу её пытливого ума, – это и было моим блаженством.

Правда, на следующий день мы даже не разговаривали друг с другом. Было полное отстранение и безнадежность. Но мне было достаточно и брошенного вскользь взгляда.

Был вечер, и я с ней танцевал. Я знал, что она прекрасна и хорошо сложена, но насколько приятнее было это ощущать. Ощущать её тело и танцевать с ней. Она выдала мне стандартный набор из своей биографии, то, что следовало знать всем, то, что она потом и рассказывала всем, то, что давало всё и не давало ничего личного и лишнего о ней.

Я проводил её домой. Точнее, мы проводили её – она, конечно же, перестраховалась. Впрочем, в этом не было особой необходимостью. Все были почти трезвы.

А потом... Потом она заболела. Вернее, она сначала пропала. Положение её было тяжеловатое, и поэтому мне представилось, что она исчезла навсегда, уехала к себе, я испугался, что я её больше не увижу. Я был в панике. Правда, никто этого не заметил.

Я знал её адрес, и я нашёл её. Но с большим трудом, потому что перепутал квартиру. Мне пришлось немного поплутать.

Она лежала на раскладушке и болела.

В походно-домашней обстановке она была ещё более привлекательной. Больная девчонка с розовыми коленками, которую было жалко до слёз, и с которой хотелось быть всегда.

Я заметил телеграмму. Поздравление с днём рождения. Не её, – дочки... И многое стало понятным. Она была такая трогательно незащищенная и застенчивая, такая лукавая и ироничная, такая нежная, что сердце моё буквально разрывалось на части от любви и жалости. К сожалению, беседы не запротоколируешь, и даже не передашь словами. Их надо беседовать. А я вообще не могу передавать чьи-то разговоры, даже свои. Я могу их лишь выдумать.

Потом – потом было многое. Но не было главного, почти главного – кульминации. Впрочем, она была, для меня, потом, когда я писал письма, и посылал стихи. Много стихов – целое лето. И, когда получал в ответ открытки, исписанные мелким почерком, – я был на седьмом небе от счастья – ведь обо мне ещё помнили!

А это то, что я тогда не отослал, но держал в своей записной книжке:

Благодаря вам я теперь наконец-то знаю, какой должна быть настоящая женщина. Она должна быть близкой всем и бесконечно далёкой от каждого. Она постоянно должна привлекать чужое внимание и вежливо уклоняться от назойливых и навязчивых форм его проявления. Должна очаровывать своей походкой, разговором, движениями рук и тела, изумлёнными и влюблёнными глазами, чудеснейшей улыбкой упругих и естественно ярких губ, и всем своим поведением. Быть умной и красивой одновременно, и в то же самое время не забывать о житейских мелочах и о своей собственной выгоде, всегда манить и уводить в сторону, быть верной мужу и своему собственному ребёнку. Я только теперь это понял, но зато я это понял на всю свою жизнь.

Я был бы счастлив, если бы у меня была такая жена, как вы, конечно, татарка, но, к сожалению, всё это, наверно невозможно. Да и нужно ли... Каждому – своё, такова жизнь.

Это была самая замечательная женщина, с которой я когда-либо был знаком, самая симпатичная и очаровательная.

У неё особенная чарующе-таинственная речь, и каждое сказанное слово, казалось, было обращено к тебе, и только к тебе одному. Невозможно описать её голос, – это была какая-то невозможная смесь грудного с небольшим придыханием.

Короткая стрижка с чем-то наподобие небольшого пробора на макушке.

Без очков она была хороша, а в очках – прекрасна.

Её небольшое смущение, когда у неё так притягательно менялось лицо, и колебался голос, она умела превосходно подать игру оттенков интонации, взгляда, жестов. Всё это манило, манило ещё раз взглянуть на неё, услышать её волшебный голос, и, как бы нечаянно, дотронуться до её руки.

В танце она была проста, но до определённого предела, ближе которого к себе не подпускала. Она бесподобно танцевала, двигая всем своим станом, поводя плечами, и особенно божественными были движения её рук, – они очаровывали, привлекая и приковывая к себе внимание. Их тонкие, ритмичные, отработанные перемещения в пространстве будили надежду. Она танцевала самозабвенно и умело. Особенно в паре с другой, когда шла за кавалера.

Она была похожа на полу-мальчика, полу-юношу из каких-то далёких южных стран, экспансивного, темпераментного и впечатляющего.

В общем-то, она вполне соответствовала классическим индийским канонам, особенно своими широкими бёдрами, полной грудью и несколько суженной талией.

Она притягивала взор, и от неё было трудно оторваться, особенно, когда она бросала встречный взгляд, и когда взоры соприкасались в воздухе, как бы материализуя то неисполнимое, но желанное, то, что так упоительно влекло меня.

У неё были живые, подвижные, чуть-чуть навывкате глаза, несколько удлинённый продолговатый нос с острым кончиком, который придаёт особую выразительность её лицу, и, особенно, её мимике; были сильные крепкие ноги, похожие на ноги девушки-подростка, которая ходит с поцарапанными коленками, ещё лазает по деревьям и дерётся с мальчишками.

Её пальцы были несколько грубоваты, прочные, как у всех, кто работает в лабораториях и часто соприкасается с различными растворами, кислотами и щелочами, и связан с долгой, тонкой, кропотливой работой.

Одним словом, – она была бесподобна.

Почему была? Она есть, но не со мной.

Велта – святая. Хельга – святая. Ольга – святая.

Она жива, она есть, но она уже и не помнит меня. Или не вспоминает. Что для меня практически равнозначно. А мне на память остались стихи, и высохшие цветы в альбоме, фотографии и письма. И её прощальный подарок – стихи. Они не её, но всё равно хорошие:

Упаси вас бог познать заботы
О прошедшей юности тужить,
Делать нелюбимую работу,
С нелюбимой женщиною жить.
Любимая навсегда. Навсегда любимая.

Бревно

«...бойтесь равнодушных, потому что только с их молчаливого согласия совершаются на Земле все преступления и предательства».
Умная фраза из хорошей книги.

Кругом кипела жизнь.

Шли люди, и никто не останавливался.

Ринат ещё раз оглянулся.

Трое подвыпивших парней привязались к какому-то мужчине средних лет. Тот что-то сказал им и быстро заскочил в отходящий трамвай. Один из парней рванулся, было за ним, но двери резко захлопнулись, и трамвай тронулся с места. Парень угрожающе и яростно погрозил крепко сжатым кулаком вслед, громко крикнув, что они ещё встретятся, и вернулся к своим ребятам.

Тут же на остановке появились два франтовато одетых молодых человека. Они также были навеселе, хотя сейчас ещё было раннее утро. Впрочем, сегодня была суббота, а вчера, говорят, везде выдавали зарплату. Правда, вчера пьяных на улице было много меньше.

Один из вновь прибывших неловко оступился и случайно задел локтем того парня, который хотел было броситься за трамваем. Тот обернулся, и что-то угрожающе сказал. В ответ в качестве ответа послышалась несусветная брань. Он ответил. Слово за слово, и ребята сцепились прямо на остановке. Началась драка.

Двое против троих, силы были не совсем равны, и скоро эти двое были основательно побиты. Один из них склонился над мусорной урной, выплёвывая кровь из разбитого рта, и вдруг увидел в ней пустую бутылку. Остальное уже было делом техники – дно бутылки отлетело в сторону, зазвенев о металл, и открылись острые зазубренные края, а горлышко как раз удобно входило в руку.

Разбитая бутылка – это уже серьёзно и это серьёзное оружие. Им можно сильно порезать, если постараться. Трое парней угрюмо отступили к киоску.

Это не моё дело, – подумал Ринат. – Что я могу сделать? Ничего. На это есть милиция.

Кругом были сотни людей, они проходили мимо сцепившихся ребят, бросали взгляд на них, и тут же отворачивались, не желая вмешиваться, и шли мимо. Никто не хотел связываться.

И каждый думал: почему именно я, что я могу один сделать?

Где-то за поворотом зазвучала милицейская сирена. Ребята, дравшиеся на остановке, сразу же стушевались и бросились врассыпную.

Ринат пошёл дальше, к троллейбусной остановке. Прошёл через вокзал, заглянул в киоск «Союзпечати». «Кругозора», конечно, не было. Наверно, уже весь раздали по благу!

На остановке как всегда было полно народу. Подошёл в троллейбус и тут же начался его отчаянный штурм, а точнее, штурм его раскрывшихся дверей. Невзирая на лица, на пол, возраст, молодые и не очень молодые, пожилые и старики, здоровенные мужики и хрупкие девушки, старушки типа «божьих одуванчиков» и прочие как сумасшедшие и как в последний раз рвались в троллейбус.

Еле-еле смог пробраться и сесть в транспорт и Ринат. Конечно, как сказать, сесть... Он стоял на задней площадке, стиснутый со всех сторон телами своих соседей до такой степени, что даже не мог нормально дышать, потому что не мог полностью вдохнуть из-за того, что не хватало объёма. Спереди началась перебранка, – кому-то, как всегда, наступили на ногу, кого-то толкнули локтем, а ещё кому-то не передали билет. Тот, кому уже испортили настроение, старательно портил его всем остальным.

Троллейбус ехал долго, около получаса, люди то входили в него, уплотняясь, то выходили, но всё время было очень тесно. Наконец, стало немного посвободнее, и Ринат понял, что приближается к своей остановке.

Чей-то острый локоток буквально вбуравливался ему в спину, но Ринат стоически терпел и не выражал громогласно своего неудовольствия, но в отместку как бы случайно старался наступить стоящему за его спиной на ноги, в ответ на что локоть, в свою очередь, ещё сильнее вбуравливался в него.

На остановке было пустынно. Ни души. Никто кроме Рината не вышел, все оставшиеся в троллейбусе ехали дальше.

Было без пяти восемь, в конторе сидели один – два человека, может быть, немного больше. Ринат поздоровался, ему не ответили, и он спокойно прошёл на своё рабочее место. В восемь часов в свой кабинет угрюмо прошагал начальник, что-то буркнув вместо приветствия для сотрудников. Контора начала заполняться.

Рабочий день был уже в самом разгаре, когда начальник вызвал Рината к себе и довольно грубо отчитал его за допущенные ошибки в отчёте. Другой человек хотя бы заволновался для приличия или возмутился, но Ринату было всё равно, что думает о нём его начальник. И все потому что работы он своей не любил, удовольствия от просиживания в конторе своих штанов никакого не получал, и работал исключительно только ради того, чтобы два раза месяц можно было бы расписаться в расчётной ведомости и получать аванс и под расчёт, а иногда, если очень повезёт, то и премию.

Безмятежно выслушав начальника, он сделал озабоченное и покаянное лицо, клятвенно обещал исправить недостатки, после чего спешно удалился из кабинета.

После обеда время прошло очень быстро. Приходила секретарша из управления по каким-то личным делам и всё время бросала на Рината томные взгляды. Она давно уже держала его на примете, и имела на него определённые виды, но никак не могла добиться взаимности, поскольку у него уже были опытные, старые связи на стороне, и он абсолютно не хотел связываться с женщинами, пусть даже интересными и расположенными к нему, на своей работе. Тем более что это повлекло бы определённые изменения в его жизни. А он уже привык к однажды сложившемуся укладу и не хотел ничего менять.

После работы зашёл в магазин, купил немного помидоров и сметану в пакете. Подошёл к телефону-автомату, вложил «двушку» и позвонил. Никто трубку не взял. Позвонил по другому номеру. Тот же эффект. Делать было совершенно нечего. Дома его никто не ждал. Разве что только телевизор...

Подошёл к кинотеатру. Шёл какой-то очередной боевик. Супер-боевик! Очередь была громаднейшая. Встал в очередь. Рядом какой-то мужчина предложил лишние билеты. Мигом среагировал и был вознаграждён за это – несколько довольно ощутимых ударов из толпы и билетов на очередной сеанс.

В течение двух часов длилось кровавое действие. Сюжет фильма действительно был захватывающий, да и убийств было порядочно – бандиты порешили где-то около двадцати человек, в то время как их самих было всего пятеро. Правда, их тоже всех переубивали под конец. Хэппи энд, как и положено, справедливость как и всегда восторжествовала. Мёртвая справедливость.

Когда Ринат вышел из кинотеатра в толпе зрителей, то был уже вечер. Он поехал обратно тем же маршрутом, что и на работу. Так было удобнее добираться. Пьяных было уже побольше, чем утром. Среди них попадались как женщины, так и мужчины. То и дело слышалась нецензурная брань, громкие выкрики, а то и слёзы. Впрочем, на пьяные слёзы мало кто обращал внимания. Пьяные часто плачут, почти без причины.

На трамвайной остановке около знакомой металлической урны валялись осколки бутылки. Следов крови не было.

В трамвае было много народа. Ринат сел в мягкое сиденье и уставился в окно. Ему не хотелось смотреть на стоящих рядом пожилых женщин с тяжёлыми авоськами в руках. Ему было совестно, но вставать тоже не хотелось. Надо же было, когда-нибудь, и посидеть в транспорте. И почему бы не после работы?

Впереди какой-то инвалид громко качал права и орал на двух молодых девушек, сидевших рядышком, которые посмели не уступить ему место. Он совестил их, на чём свет стоит, причём трёхэтажным матом. Девушки принципиально не уступали ему своих мест и, не слушая его, отвернулись в сторону окна.

Правильно сделали, – внутренне усмехнулся Ринат, – так ему и надо. Развелось тут инвалидов! Попросил бы по-хорошему, то, глядишь, тогда ему место и уступили.

На задней площадке послышался какой-то шум. Там ссорились двое мужчин и парень с девушкой. Все они, естественно, были подвыпившие, точнее, даже были под сильным «шафе», и находились в состоянии «кондиции».

Трамвай остановился, мужчины стали выходить, девушка подскочила к одному из них и надавала ему по щекам. Тот поднялся в трамвай и сильно стукнул её в грудь, после чего подошёл к её парню и стал бить его кулаками в голову, тяжело и ожесточённо, зло и не торопясь.

Никто не вмешивался. Известное дело – пьяные. Свяжешься с ними – сам пропадёшь. Пускай уж лучше сами разберутся. Туда им и дорога. Наверно, что-то между собой не поделили.

Мужчина вытолкнул парня на остановку и продолжал его бить там, к нему подскочила девушка, и он опять с силой ударил её, и опять отошёл в сторону. К нему подошёл второй мужчина и они, пошатываясь, скрылись в темноте.

Пьяный парень с помощью девушки сел на скамейку и, обхватив руками голову, тупо уставился в асфальт.

Трамвай тронулся, и всё это осталось далеко позади, как будто его и не было, как будто всё это было только в кино, а не в реальной жизни. Ринат испытывал явные муки совести оттого, что не помог человеку, не защитил его, но успокоил себя тем, что пьяному как всегда ничего не будет, что ему не стоило пить, и, соответственно, не стоило лезть в бутылку. И, что ему самому попало бы ещё больше, если бы он ввязался в драку.

На остановке было довольно темно. Ринат неспешно пошёл по дорожке между деревьями. Мимо него проносились машины, шли люди, слышался чей-то смех, кто-то пел песни.

Ринат решил сократить дорогу и пройти через проходной двор. Так было короче. У подворотни стояли трое парней, вели между собой пьяные разговоры. Очевидно, что они кого-то поджидали.

Когда Ринат проходил мимо, один из них вышел навстречу и спросил:

- Дашь закурить?
- Не курю.
- Деньги есть?
- В банке.
- А с собой?
- Тоже есть.
- Тогда вали их сюда.

Ринат оглянулся. Он оказался в кольце. Ребята вплотную подступили к нему. Их угрюмые физиономии наводили на грустные мысли и не предвещали ничего хорошего. Неподалеку стоял фонарный столб, он бросал тусклый свет на землю и освещал всю эту живописную группу.

Ринат хотел выйти из круга, но его схватили за руки и задержали.

– Стой, не спеши, – сказал высокий и усатый, очевидно заводила. – Базар ещё не кончен. Надо договорить. Деньги есть? Если есть, то где? В каком кармане? Мы-то их всё равно возьмём, а тебе уже будет хуже...

Он полез Ринату во внутренний карман пиджака и вытащил кошелек, пересчитал деньги.

– Всё? Больше ничего нет? Что же ты так мало с собой носишь? В следующий раз бери больше, а то нам и на гужбан не хватит.

Ринат попытался вырваться, но не смог. Тогда он стал всматриваться в лица бандитов, его окружавших, стараясь их запомнить.

– Ну, что ты буркалки-то свои вытаращил? Запомнить нас, сука, хочешь... В милицию побежишь... Не хотел я с тобой связываться, да видно придётся. Получи, фашист, гранату!

Высокий вплотную подошёл к нему и, не успев Ринат даже подумать защититься, или сделать пресс, как его резко и сильно ударили в живот. От пронзительной боли и удушья Ринат буквально согнулся на руках державших его парней. Он даже не мог кричать. Невозможно было даже вдохнуть или выдохнуть воздух.

Высокий снова ударил, теперь уже по лицу. Было больно и обидно. От следующего удара в живот Ринат опять согнулся и упал на землю, потому что ребята отпустили его. Его вырвало желчью. Высокий опять подошёл к нему и, брезгливо посмотрев, нагнулся к нему. Схватив за шиворот, поднял на ноги.

Руки невольно вскинулись, и Ринат, в свою очередь, схватил высокого за воротник и, подняв своё колено, опустил на него подбородок своего противника. Громко лязгнули зубы. Тут же он ощутил страшный удар по голове, и искры буквально посыпались из его глаз. Он опять упал на землю. Это ударил второй, тот, что стоял сзади.

Ринат попытался было, оперившись на руку, подняться, но парни подошли к нему и стали пинать его ногами. Тупые и острые боли сотрясали всё его тело. Ринат скорчился на земле от боли, у него страшно болело всё тело, гудела голова, и окружающее плыло перед глазами.

Он кричал, и он стонал, он звал на помощь. Тусклый свет фонаря по-прежнему падал на них, их было прекрасно видно со двора, но никто не спешил идти на помощь.

– Почему никого нет? – думал в полузабытьи Ринат. – Неужели никто не придёт мне на помощь? Сволочи! Так бить... Убью!

– Сволочи... – прошептал он почти про себя. Но его услышали.

Парни, которые было, перестали его избивать, снова подошли к нему. Один из них низко наклонился. На Рината пахло свежее выпитым вином и лёгким перегаром.

– Смотрите, ещё жив, собака!

– Ничего, я сейчас, – сказал высокий, бережно держась за свою разбитую челюсть, и одной рукой полез в карман пальто. Вытащил оттуда самодельную финку.

– Ну-ка, поднимите его.

Рината приподняли, подтащили и прислонили к стене дома. Сам он уже стоять не мог. Двое придерживали его за руки.

Высокий с ножом в руке подошёл к нему и пронзительно и страшно посмотрел ему в глаза, поднял его голову за волосы.

– Боишься? – Издевательски ухмыляясь, спросил он. – Не бойся. Теперь уже больно не будет.

Страшная боль от удара снова пронзила Рината и он страшно, обречённо и яростно вскрикнул, да так сильно, что высокий невольно отшатнулся от него вместе с финкой.

Его быстро бросили на землю, и ушли в темноту.

А по улице по-прежнему шли люди. Смеялись, целовались, плакали. Улица была буквально в нескольких шагах от подворотни, за тёмными деревьями. И никто не смотрел, что это там за крики слышаться со двора, что это за шум раздаётся. Всем было всё равно, или, скажем так, своя шкура была ближе. А любопытство или поиск приключений обойдутся себе дороже.

– Сволочи!

Люди шли мимо. Они спешили по своим делам. Спешили и торопились.

Ринат лежал в подворотне и туманящимся взором смотрел в высокое небо. Оно было усыпано яркими звёздами.

Звёзды светили, но далеко. Их было много. На них наплывала какая-то лёгкая дымка. Боль уже почти не чувствовалась, но Ринат явственно ощущал как постепенно, капля за каплей, из него вытекает жизнь.

Сознание его замутилось, он весь был как бы в полудрёме, и уже совсем не слышал, как захлопали двери.

Как к нему бежали люди, как вскрикнула женщина, как вокруг него собрались встревоженные люди, как прозвенели сирены подъехавших «Скорой помощи» и милицейской патрульной машины, как врач лихорадочно шупал пульс на окровавленной руке, как ему в вену вводили лекарства, как пытались остановить кровотечение, как пытались делать массаж сердца...

Он уже ничего не слышал. Он был мёртв.

А вокруг него так и кипела жизнь.

Великий путаник

Он путал абсолютно всё – адреса, книги, шляпы, галстуки, ботинки...

Путал своих любимых, братьев, сестёр, коллег по работе. Путал саму работу, автобусы, дома, города, страны...

Он был невозможный человек. Он путал писателей, композиторов и художников как перчатки. А перчатки он не просто путал, а терял их – сначала левую, потом правую. Почему-то у него всегда так выходило. Сначала левое, потом правое. Его и в дороге качало, когда он лишка выпьет – сначала влево, потом вправо, сначала влево, потом вправо, и никогда – наоборот. И вина он всегда путал, белое с красным, и водку путал с шампанским.

Словом, он был великий путаник.

Элементарно простое дело он запутывал до такой степени, что после него никто уже ни в чём не мог разобраться. Забивание гвоздя в стенку становилось для него невозможной и неразрешимой проблемой – он путал стены, гвозди, высоту, комнаты и квартиры. Этот самый гвоздь он мог, в конце концов, прибить у друга в двери.

Он был великий путаник.

Например, однажды он перепутал девушку, которую любил, с девушкой, которая ему только понравилась, и сделал ей предложение, и та, представьте себе, согласилась. Правда в загс он всё-таки попал с другой, то есть третьей, поскольку он, конечно же, перепутал двери в ЗАГСе, ну, а женился – на четвёртой, которую он до того не только не знал, но и не видел. И, представьте себе, они хорошо живут. Правда, они опять почему-то немного перепутали и живут в разных квартирах, и у них разные муж и жена. Но, зато при встрече они раскланиваются и целуются. Друг с другом, этого они не путают.

Да, это был великий путаник.

Впрочем, почему был? Ведь это я и есть он самый. Правда, я вначале опять немного перепутал, назвав себя – он, а в середине немного напутал, пока рассказывал, а в остальном, – всё рассказанное это и есть истинная правда. Без путаницы...

Весна

Весенний праздник – сабантуй.

По зелёной, уже утопанной тысячами ног траве идёт высокий черноволосый юноша. Идёт туда, где огромным кругом собрались люди и откуда постоянно слышится не умолкающий гул человеческих разговоров. Там сейчас самое интересное – состязание борцов, керяш.

Вот высокий батыр в разорванном синем трико и кедах с красными шнурками выходит на середину майдана. К нему неторопливо подходит другой борец. Оба сильные, с большими животами и мясистой грудью, с тугими буграми мышц на руках и на ногах.

Неподалеку от них жалобно блеет тощий ягнёнок. Он предназначен в подарок победителю. Кроме того, ещё транзисторный приёмник и покрывала на двадцать рублей.

Борцы схватились и медленно двигаются по лужайке. Они тяжело дышат, оба явно уже устали. Это уже не первый их бой, но зато явно последний. Главный претендент это тот, первый. Он чемпион Татарии по борьбе. Другого борца зовут Равиль. Он сейчас единственный, кто стоит на пути чемпиона.

Равиль ту же стягивает полотенце, но тот, первый, тут же делает то же самое. Он сильно дёргает и поднимает Равиля над собой.

– А-а-а! – раздаётся крик кого-то из борцов.

Но рывок, Равиль вырвался и...

– Ура! – крик восторга пронёсся над толпой.

Чемпион лежит на лопатках, а победителя на руках несут к трибуне. Он торжествующе получает свой приз, и с барашком на плечах совершает круг почёта. Ягнёнок испуганно блеет, народ смеётся, шутит, одобряюще хлопает батыра по плечу, чтобы хоть как-то приобщиться к его силе и к его победе.

Батыр-асты тоже, но невесело, получает свою долю – пластмассовый дипломат и два полотенца, с горечью смотрит на барашка и, сплюнув в сердцах сквозь зубы, отходит в сторону. Его утешает какой-то мужчина.

А батыр уже стоит на грузовике с тем же барашком на плечах, рядом с ним толпятся его друзья, родственники, все те, кто поддерживал его в этой тяжёлой борьбе. Машина резко трогается. Они уезжают праздновать победу.

Народ потихоньку начинает расходиться.

Юноша, потолкавшись немного среди тех, кто весело и радостно поздравлял победителя, пошёл к грузовику, на котором он сам приехал на сабантуй.

Мимо него шли люди, занятые своими делами. Кто-то тащит бутылки с лимонадом, а кто-то с вином. Продают свежие горячие треугольники, шоколадные и карамельные конфеты. Везде очередь, весёлая толкучка, праздничная суeta и суматоха.

Юноша подошёл к грузовику и вскочил в кузов. Там, куда он смотрел, стоял другой грузовик. Туда битком набились девушки. Видно и всем было по пути-дороге. Он посмотрел – посмотрел на них и вдруг зачем-то обернулся и посмотрел назад.

Сзади тоже была машина. В кузове сидели две девчонки. Они-то и привлекли его внимание.

Одна из них, с распущенными волосами была необыкновенно привлекательна. Он даже не смог бы объяснить чем. Но она ему очень понравилась. Даже как-то холодно стало.

Она была одета в достаточно короткую чёрную юбку, белую блузку и ещё что-то чёрное сверху, чему он не знал названия. Было похоже на куртку, только без рукавов. На ногах у неё были серые чулки и туфли коричневого цвета.

Другая девчонка была строгая на вид, в жёлтом платье. Видно, что застенчивая, подумал он.

Вскоре девушки обратили на него внимание, заметив, что он без зазрения совести смотрит на них, тоже начали рассматривать его.

Глаза его и той, что необыкновенно понравилась ему, встретились. Его вдруг охватило сильное волнение, сердце дрогнуло, и он невольно опустил глаза.

Так они и сидели некоторое время, изредка бросая, искоса, взгляды друг на друга.

Машина, на которой сидел юноша, должна была ехать. Он ещё раз взглянул на девушку. Но он знал уже, что они приедут в ту же деревню, что и он.

Машина рванула с места...

Через полчаса он уже был в деревне.

Но их машина, вероятно, не поехала сразу. Он помог разгрузить товары. Ему было не по себе. Он с какой-то тревогой ждал их приезда. Что-то томило, мешало, какое-то предчувствие что ли...

Ему хотелось снова увидеть её, познакомиться с ней. Он был весь в ожидании.

Наконец, послышался шум подъезжающей машины. Это были они.

Девушки сидели на ящиках, и не видели юношу. Но вот они сошли с машины на землю, и пошли домой. Нечаянно обернулись, и увидели его. А он в это время жадно смотрел на них.

Его душило желание подойти, познакомиться, но он сдерживал себя.

Девушки прошли мимо. Несколько раз обернулись, видно, разговаривая о нём. Юноша стоял и смотрел, желая запомнить, куда же они зайдут.

Он запомнил дома, по которым они разошлись, и сразу же после этого пошёл к себе домой.

Он решил искать с ней встречи.

В магазине, на вечере, в клубе.

Он жаждал её.

Он хотел видеть её, познакомиться с ней, обнять её... Вероятно, он любил её. Влюбился... Сердце ныло, а голова болела.

Он мечтал о ней.

В голове его сами собой строились планы, фантазии, но он не решался претворить их в жизнь.

Неожиданная робость овладела им.

Он желал её видеть, но не мог заставить себя искать с ней встречи. Проходил день, другой... Он успокаивал себя, говорил, что на следующей неделе непременно пойдёт...

Но проходили дни, а юноша по-прежнему сидел дома.

Видно, любовь вошла в его сердце, но не удержалась, так как он её не удерживал.

Но, что было, то было.

Больше её он не встречал, да это, может быть, это и было к лучшему. А может быть, он её просто не опознал в следующий раз.

Так проходит жизнь, так прошла и любовь.

И с тех пор в его сердце ноет рана, напоминающая ему о том чудном мгновении, о том чудном видении...

Вечер в лесу

Казалось, будто горит всё небо. Закат алыми языками опоясывал небеса. Тучи, висевшие над скрывшимся солнцем, у линии горизонта, представляли собой совершенно фантастическое зрелище. Нижняя половина их сияла неописуемыми красками, обнажая свои бугристые внутренности и нависая над сизым, фиолетово-красным воздухом, а верхняя половина их потемнела, побурела и казалась чем-то посторонним, обрамляющим образовавшуюся картину.

Ринат Латыпов молча смотрел на облака, на последние лучи уходящего солнца, и совсем не обращал внимания на сидевшую рядом с ним Ризванову Наилю. Наилья рассматривала свои красивые нежные руки, проверяя, не отстаёт ли лак на ногтях, и следила взглядом за Ринатом.

Неужели так и будет сидеть, и даже не взглянет на меня?

Чего я боюсь? Мы с ней одни, все пошли за хворостом. Я ведь давно хотел, чтобы мы вот так остались с ней одни...

Их окружал реденький лес, который из-за постепенно наступающих сумерков, казался огромным, высоким и дремучим. Где-то в отдалении слышались весёлые голоса одnogруппников. Приятную лёгкую дремоту тёплого летнего вечера нарушил быстрый порыв прохладного ветерка. Ринат зябко поёжился и застегнул пуговицы на куртке, но ощущение того, что он на сквозняке, не проходило.

Наверно, я боюсь её. Потому мне и холодно летом. Наилья... Я боюсь даже оглянуться на тебя.

Но надо решаться. Всё! Сейчас я начну новую жизнь. Ещё минута и я решусь заговорить с ней.

– Тебе холодно, Ринат? – спросила Наилья. – Если хочешь, то можешь накинуть на себя мою куртку.

Что я говорю?! Сейчас он обидится на меня и уйдёт...

А я так долго ждала этого дня.

Что она сказала? Я и не понял. Ах, да, холодно...

Ринат, не оборачиваясь, глухо ответил:

– Нет, спасибо. Я потерплю.

Зачем я так грубо ответил? Ах, если бы я мог... Я подошёл бы к ней, присел бы около неё, расстегнул бы её курточку на груди... И, как бы ненароком, как бы нечаянно я бы дотронулся до неё, до её упругой груди. Наилья бы ничего не заметила, как она не заметила тогда...

Тогда – это было две недели назад. В тесноте институтской раздевалки. Он тогда медленно продвигался к выходу с ботинками в руках. Настроение у него было приподнятое, как всегда после успешно сданного экзамена. Наилья стояла у стенки, кого-то ожидая. Какой-то студент толкнул Рината в спину и он по касательной очутился рядом с девушкой. Его руки ощутили необычную упругость препятствия, и только тогда он осознал, что случайно коснулся Наили и быстро отодвинулся, пока девушка не возмутилась. Но девушка никак на произошедшее не отреагировала, и Ринат подумал, что она ничего не заметила. Его пальцы долго ощущали это прикосновение, и томительное чувство уже не покидало его. Он начал мечтать о Наиле...

Мин яратам бит сине, Наиле! (Я ведь люблю тебя, Наилья!) Синен белен берге булыр эчен нерсене гене бирмес идем мин. (Чего бы я только не отдал, чтобы быть с тобой вместе) Куркам мин синнен, Нииле, куркам. (Я боюсь тебя, Наилья, боюсь) Мин синен белен сейлешермен, э син колерсен, мин сина гашыйк булуымны анлатырмын, э син аны бутен жирде таратырсын... (Я поговорю с тобой, а ты надсмеёшься надо мной, я признаюсь тебе во влюблённости, а ты всем про это расскажешь...) Юк, эйте алмыйм шуны. (Нет, поэтому я не могу тебе признаться) Гафу ит мине, мэхеббет... (Прости меня, моё счастье...) Не могу...

– Почему? – удивлённо спросила Наиля. – Я же вижу, что тебя знобит. Тебе холодно, а мне нет. Я же привычная, у нас в Сибири, знаешь, какие морозы бывают?...

– Так ты из Сибири?

– Да, из татарского села.

– Татарча белесен мэ сон?

– И туган тел, и матур тел...

Ринат впервые обернулся к Наиле, и заинтересованно посмотрел ей в лицо, а точнее, на её алые губы, как бы пытаясь уловить момент рождения слов.

А у нас ведь есть парнишка, который ни слова по-татарски не знает, хотя он и чистокровный татарин. Это всё города... Сам-то разговариваю легко, а как пойдёт высококультурная литературная речь, особенно по телевизору, густо насыщенная фарсизмами и арабизмами, так я тогда – пас... И читаю я всё же с трудом, а уж писать... А Наиля... В деревне лучше учат родному языку, но тогда я плохо знал бы русский. Вот Шавкат-то – на первом курсе он и пяти слов-то не мог по-нормальному связать.

А ведь мы уже разговариваем! И всё нормально. Я разговариваю с Наилёй и ничего, рифов пока нет, я не срываюсь...

Менэ сейляше дэ башладык, бер беребезгэ карапта утырабыз... (Вот мы уже и разговариваем, и смотрим друг на друга)

Иреннере кып-кызыл, ал чечек кебек.(А губы у неё красные-красные, как алые цветы) Сине убесем килэ.(Мне хочется тебя поцеловать)

Ул минем авызга гына карап утыра... (Он сидит и смотрит мне в рот...)

Мэхеббет синде, син минем мэхеббетем. (Счастье в тебе, ты моё счастье) Долгожданное счастье моё! Счастлив тот, кто любит...

– Ты училась в татарской школе?

– Да, у нес другой в деревне не было. Я закончила её с медалью.

– Золотой?

– А другой сейчас не дают. Серебряной давно уже нет.

– Ну, ты даёшь!

– Большинство девушек хорошо учится.

– Такие уж вы, девушки...

– И женщины.

– Что?

– Да нет, ничего. Это я просто так. А хорошо здесь!

– Я вообще люблю летние вечера.

– А зиму ты любишь?

– Не очень.

– Почему?

– Холодно. И неудобно. А вот сейчас тепло, почти...

– Что значит, почти?

– Почти уютно.

– Почему же почти? Может быть, я мешаю?

– Да нет, что ты. Наоборот, ты очень даже здесь создаёшь уют... Но, ещё бы костёрчик, одеяло и горячего кофейку, и тогда мы бы с тобою могли разговаривать хоть до рассвета...

– Так в чём же дело? Сейчас ребята принесут хворост, разожжем костёр, принесём одеяло, и всё – будем с тобой сидеть, разговаривать, до самого рассвета.

– Тебе сколько лет?

– Девятнадцать.

– Мне тоже девятнадцать. Какие мы ещё молодые...

– Это мы пока молодые, пока молоды. А вот потом...

– Что потом?

– Потом будет серая скучная жизнь... Погоня за деньгами, за вещами. Семья, работа, дети, забота... И так всю жизнь.

– Да, оглянуться не успеешь, как зима катит в глаза.

Если бы я только с нею был чуть больше знаком! Я подсел бы к ней поближе, взял бы её за руку, и стал бы читать её линию жизни. Потом я задержал бы её руку со своей, и поцеловал бы её. Потом я поцеловал бы её...

– Ты знаешь, Ринат, я ведь умею читать судьбу по руке. И поэтому я могу сказать, что будет с тобой в будущем...

– Давай, попробуй.

Ринат подсел поближе к девушке и протянул ей свою правую руку. Наиля дотронулась пальцем до его ладони.

– Вот эта линия жизни, она у тебя длинная, это значит, что ты будешь жить долго-долго. А эта линия – у тебя будет много женщин, и все они будут любить тебя, а ты будешь любить только одну – вот эта линия верности, она рассказывает об этом...

Ринат невольно опустил руку на колено девушки. Он ощущал её упругое бедро под спортивным трико.

Бу бит анын тэне, быты...(А ведь это её тело, её бедро...) Мин тоям анын тэнен.(Я ощущаю её тело) Хэзер кочакларга аны...(Сейчас бы её обнять...)

Анын кулы минем аякта, ботта...(Его рука на моей ноге, на моём колене...) Он рукою коснулся бедра моего. Если бы он сейчас только повернул свою ладонь вниз и поднял её чуть выше...

Он нежно сжал её пальцы.

– Неправильно ты гадаешь. Давай, лучше я попробую.

Он взял её руку за запястье и опять опустил ей на колени. – Эта линия не о любви, а о счастье говорит...

– Так это же одно и то же...

– Не совсем.

Послышались голоса, и на полянке появились ребята с хворостом. Ринат и Наиля резко отодвинулись друг от друга, смутились. Но никто не обратил на это внимания.

Немедленно начали разжигать костёр, но почему-то ничего не получалось. Тогда кто-то плеснул на сушняк бензина из небольшой бутылочки. После этого огонь быстро занялся и через несколько минут уже весело трещал яркий костёр. Быстро темнело в лесу, и скоро среди крошечной темноты выделялось только яркое пятно костра, и его отблески, падавшие на четыре палатки неподалеку.

Девушки и ребята сидели вокруг костра и молча смотрели на языки пламени, плясавшие на ветках. Кто-то принёс гитару и запел под простенькую мелодию туристскую песню. Потом сидели и разговаривали о жизни, о политике, о учёбе, о любви. Постепенно образовалось несколько групп по интересам: кто-то слушал песню, кто-то разговаривал, кто-то просто сидел и смотрел на огонь, а кое-кто вовсе пошёл спать.

Ринат очутился рядом с Наилёй. Девушка, обхватив свои колени руками, сидела на одеяле, и молча смотрела на яркое пламя.

– Ты любишь огонь? – спросила она, когда рядом с ней появился Ринат.

– Люблю.

– А что ещё ты любишь?

– Мороженное!

– Я тоже люблю мороженное!

– Надо было взять...

– Да оно бы давно уже растаяло.

- Можно было взять в кастрюле с холодной водой...
- Почему же ты тогда его не взял?
- Я же не знал, что ты любишь мороженное.
- Да ну, тебя! У меня сейчас аппетит разгорится на мороженное.
- Ладно, ладно, молчу.

Они немного посидели молча. Потом Ринат воскликнул:

- Гляди, какие прекрасные звёзды!
- Где? – Наиля ничего не видела на небе, после того, как долго смотрела на огонь.
- Да вон же, смотри – Полярная звезда, а рядом – Большая Медведица, в виде ковша...
- Вот это? – наугад ткнула девушка пальцем.
- Да нет же, вот!

Ринат схватил её руку и направил указательным пальцем её взгляд на Полярную звезду. Наиля всё равно ничего не видела. Он подсел к ней почти вплотную и, приблизив своё лицо к её лицу, свои глаза к её глазам, свои губы к её губам, направил указательный палец на самую яркую звёздочку на небосклоне. Теперь девушка тоже видела её, но ей не хотелось признаваться в этом.

Кочакла мне, Ринат, кочакла... (Обними меня, Ринат, обними...) Мин синеке... (Я твоя...) Мина йолдыз кирэки, син мина йолдыз. (Мне не надо звёзд, ты сам мне звезда) Синде минем бэхет. (В тебе моё счастье)

Наиля, дорогая... Обниму тебя, обниму. Только одно движение, всего лишь один сантиметр, и я поцелую тебя... Поцелую... Нет, боюсь. Вдруг она отшатнётся, вдруг засмеётся... И всем расскажет. И все будут весело смеяться... Надо мной.

Нет, он боится... Меня боится. Дурачок. Тогда уж я сама...

Девушка внезапно повалилась на Рината, невольно ухватила за него, прижалась всем своим трепещущим телом. Ринат тоже был вынужден обнять её, чтобы она не упала. Он невольно отметил, что никого рядом с ними уже нет, и что их никому не видно.

Они поцеловались, их губы соприкоснулись и прильнули друг другу. Потом они целовались ещё и еще. Они обнимали друг друга, целовались и не испытывали никаких затруднений. Ринат шептал ей ласковые слова, она ему отвечала ещё более ласково. Кругом была тишина, лишь рядом еле слышно потрескивал костёр, да звёзды перемигивались друг с другом, весело и проникательно смотря с небесной высоты на эту счастливую парочку.

Видение

– Я ничего не вижу без очков, – пожаловался я.
– Без очков? – удивился третий, который стоял где-то вне моего поля зрения.
– Нет, в очках я тоже плохо вижу, – ответил я, когда, надев очки на оконечность своего носа, внезапно почувствовал, что всё вокруг готово броситься в дикий пляс, и швырнул очки предположительно в направлении пола, кто-то сбоку резко вскрикнул и выругался.

– В чём дело?

– Он мне очками попал в ухо.

– Сами виноваты, надо было подойти поближе.

– Странный мир, – сказал я. – Почему-то мне всё кажется ужасно странным, ничего не видно, непонятно, всё вверх дном, и не там, где нужно.

– Даже пнуть толком и то не сможешь, – сочувственно поддержал кто-то знакомый, в жёлтом одеянии, ниже, только какой-то жёлтой полоской видневшийся передо мной.

– Нет, почему же, – злорадно усмехнулся я, и протянул свою конечность в предположительно левом направлении и послал её резким рывком вверх, а затем вперёд и вниз. Тот, в жёлтом одеянии, даже взвыл от боли.

– Я тоже могу меняться, – сказал первый, господин в белых брюках и зелёном френче с погончиками, обращаясь совершенно не в мою сторону, и стукнул по моей правой коленной чашечке. А может, по левой. Я вообще-то не разобрал, но там, кажется, должна была быть моя правая нога.

– Ну, будя, – пробормотал я, – вы уже привыкли, а у меня тут, кажется, было какое-то дело?

– Да, – сказал первый, представившийся полковником. – Вам надо разрисовать стены.

– Так же, как и в прихожей?

– Ну, не совсем, а как получится.

– Я боюсь, что у меня вообще ничего может не получиться сейчас.

– Вот ведро с краской, – мне на голову уронили снизу ясно видимый, летящий как бы сбоку, синий эмалированный чайник.

Я отстранился, сам не знаю куда, и, слава богу, он пролетел мимо и, кажется, упал на пол.

Внезапно всё вокруг закружилось, стены поползли на потолок, пол начал прогибаться вниз, а может быть, вверх подобием воронки, и я почувствовал, как водоворот событий стремительно засасывает меня внутрь себя. Перед моим взором пролетел кувыркающийся чайник без крышки, его жёлтый цвет постепенно переходил в фиолетовый.

У меня началась дикая головная боль. Вокруг слышались какие-то дикие голоса, и я понял, что сам начинаю дичать. Я чувствовал, что крышка чайника надета мне на ногу, я взглянул туда, где предположительно должна была быть моя нога, но там ползло наверх что-то кроваво-красное – наподобие освежёванного человеческого мяса с белыми прослойками жировой ткани, выпирающей наружу из кровавого разреза.

Ужасно запахло палёной шерстью, и гнусный сизовато-бурый дым стремительно начал заполнять комнату. Полковник разделился на составные части, и его рука пыталась меня удерживать, она вытянулась до невероятно длинных размеров, даже затрещала от напряжения, и вцепилась в мои волосы, старательно выдирая их вместе с корнями, то есть с луковицами.

Первый раз в жизни я видел такие утончённо-нежные длинные пальцы с эластичной тонкой чувствительной кожей, с аккуратными косообрезанными ногтями, которые пытались удерживать мою голову за пышную шевелюру. Но она не давалась, отбрыкивалась, и вращалась в такт телу, которое летело через ужасно колючий терновый кустарник, который уже разодрал в клочья мою одежду и теперь рвал в кровь мою кожу и мышцы.

Сзади полился горячий золотистый дождь, его упругие тугие струи терзали моё израненное тело, они смешивались с чем-то липким и холодным, я понял, что это вытекающая из меня кровь.

– Остановитесь же, наконец! – хотел крикнуть я, но вместо этого из моего рта вырвалось хриплое: – Пиастры!!!

Я не узнавал своего собственного голоса. Да и как его было узнать, если он говорит совсем не то, что надо, причём хриплым испанским акцентом пиратского попугая.

Стремительно вращающаяся воронка заносила меня всё меньшими кругами, постепенно уходила в самую себя, и я чувствовал, что скоро будет конец.

За мною медленно летело чьё-то тело в жёлтом балахоне и мерно взмахивало рукавами, словно крыльями. Ещё ближе ко мне кто-то чёрный блестел линзами и звонко, но по-вороньи каркал. Моего голоса уже давно не было слышно во всём этом гаме, который стоял кругом. Уж он-то никуда не двигался.

Полковник был уже внизу, он глядел на меня своими ужасающе фиолетовыми глазами, в которых горел фанатичный огонёк тяжёлого безумия и старательно тянул с меня брюки. Его нога ещё была вверху и она летала по воздуху, пиная того, что в жёлтом одеянии. В воздухе? Только сейчас я заметил, что это не был воздух, тут вообще ничего не было. Везде сверкали звёзды, они были значительно ближе к нам, чем, если смотреть на небо безоблачной безлунной ночью.

Откуда-то сбоку медленно подплывал я. Я огляделся, моего тела уже не было, – ни ноги, ни руки, ни туловища, – ни наверху, ни внизу, ни сбоку. И я подплывал ко мне. У меня даже глаза на лоб полезли. Я подплывал к себе, которого не было. И в то же самое время я как бы сбоку видел, как двое я – ошалело смотрят друг на друга и так же ошалело подплывают друг к другу. Между нами пронеслась комета с длинным горячим хвостом, буквально на одно мгновение, закрыв меня самого от себя. Но через мгновение то был уже не я. Это была огромная рыба, и я отчётливо видел громадные ряды её страшных клыков. Впереди, прямо передо мной была её ужасная пасть. На меня дохнуло жарким зловонием. Не оглядываясь, не видел, что сзади меня стоял полковник, уже собранный, аккуратный, снова в белых брюках, зелёном френче, и держал в руке мой любимый розовый чайник с красками.

– Вот и ведро с краской, – повторил полковник.

– А где кисточки? – шёпотом спросил я, потому что боялся разбудить огромную рыбу, которая проглотила меня и теперь отходила ко сну.

Всё началось с начала. Я чувствовал, как рыба стремительно разнеслась по всему существующему пространству, забила все возможные щели и поры, а вновь остался один-одинёшенек, совершенно голый в совершенно пустом пространстве. Но кто-то снова включил звёзды, они бешено завращались и начали рисовать перед моим взором стремительные круги, эллипсы, овалы, кристаллы, многоугольники, и я опять очутился в комнате.

Пол был на левой стене, потолок рядом и мне опять показалось странным видеть свой правый глаз рядом с большим пальцем моей левой ноги. Это была явно не подходящая компания для глаза. Нога была босая, и всё время шевелила большим пальцем около глаза, как бы почёсывая его. Мои ботинки куда-то исчезли.

По сторонам комнаты, по левой и правой стенам, то есть где-то вверху, внизу, по бокам висели в коконах какие-то тёмные личности и подозрительно и мрачно смотрели на меня. На потолке, как муха летал полковник, размахивая фалдами своего зелёного френча, тоже почему-то босой и держал чайник, правда, без крышки. Крышку я держал в руке.

– Как вы себя чувствуете? – спросил меня полковник, как мне показалось, ехидно усмехнувшись. Я запустил крышку чайника по совершенно немыслимой орбите и с удовольствием наблюдал, как она рассекла ему лоб и как алым фонтаном забила горячая кровь. Правда, меня

несколько удивило, когда я увидел, как крышка по немыслимой траектории вторично полетела в совершенно целый лоб полковника. На третий раз это меня несколько напугало...

А в пятнадцатый раз это мне уже поднадоело, и я закрыл глаза.

Вдруг я увидел себя на улице. Я лежал у кирпичной стены с облупившейся старой штукатуркой. Я был весь бледный. Меня за плечи поддерживала какая-то сердобольная женщина. Милиционер подносил к моему носу какую-то бутылочку. Глаза мои были закрыты. Чуть погодя внезапно я почувствовал едкий запах нашатырного спирта и был таки вынужден открыть свои глаза.

Вокруг меня уже собрались люди. Какая-то женщина громко вскрикнула и отпустила мои плечи. Милиционер держал у моего носа бутылочку с нашатырным спиртом.

– Очнулся!

– Наконец-то!

– Что это со мной было? – слабым голосом спросил я.

Женщина, поддержанная внимательно слушавшим её народом, начала уверенно рассказывать:

– Иду я по улице и вдруг вижу, парень молодой, ну, вы, то есть, заходит во двор и резко так валится на асфальт. Ну, сначала я подумала, знаете ли, что пьяный. А потом думаю, а вдруг с человеком что-нибудь случилось, с сердцем, например, и бегом к нему. Подбежала, принюхалась – нет, не пьяный и давай его в чувство приводить...

Она уже рассказывала, обращаясь к людям.

– ...А он лежит и всё, и сердца не чувствую. Тут милиционер подошёл, спирту поднёс, нашатырного. И вот – вы ожили! – закончила она, обращаясь уже ко мне.

– Что же это с вами было? – спросил милиционер.

– Не знаю, приступ, наверное.

– Может вас в больницу надо?

– Нет, спасибо вам большое.

Я от души поблагодарил их, тепло попрощался со всеми и медленно пошёл к остановке троллейбуса.

Встреча в кинотеатре

В воздухе висела тяжёлая июльская жара. Она буквально душила, несмотря на то, что солнца уже не было на небосклоне, и по небу плыли большие тёмно-серые облака, несмотря на то, что часы на руке у юноши в белой курточке и в джинсах «Супер Райфл» показывали без восьми семь. Он стоял и тоскливым взглядом встречал тех, кто входил в кинотеатр. Он уже полчаса ожидал здесь девчонку, но её до сих пор не было.

Они договаривались пойти на фильм «Сто дней после детства», у него в кармане было два билета, а её всё не было. Девушка ему нравилась. Нравилась её золотые волосы, которые пышно ниспадали на её плечи и закручивались колечками. Её улыбка привлекала его, ему хотелось всегда быть с нею.

Юноша чувствовал к ней безотчётное тяготение, необыкновенную симпатию, но, к сожалению, как это часто бывает, девушке нравилось проводить с ней вечера, ходить с ним по улицам, но она не чувствовала к нему привязанности.

Для девушки он был лишь одним из её многочисленных приятелей, с которым можно было бы время от времени проводить время, уделяя капельку внимания и ничего более. Юноша всего этого не знал, но интуитивно чувствовал, что в отношениях с девушкой чего-то не хватает. Он хотел сегодня с нею решительно поговорить и поставить все точки над *i*.

Юноша предупредил девушку, что предстоит важный разговор, и девушка обещала обязательно прийти. Но её не было. Юноша понимал, даже внутренне знал, что девушка, наверно, не придёт, но чувства брали верх над рассудком, и он с безнадёжным упорством надеялся на встречу.

Вдруг кто-то крепко хлопнул его сзади по плечу. Юноша резко обернулся. Прямо перед ним, широко улыбаясь во весь рот, стоял высокий, крепкий и могучего телосложения парень, в летнем кепи и свободной лёгкой одежде, – в светлой рубашке с короткими рукавами и в светлых брюках в мелкую полоску.

– Привет! Ты что, не узнаёшь?

Юноша уже вспомнил. Это был его школьный товарищ, с которым он не виделся лет пять.

– Здравствуй, Витька! Какими судьбами здесь?

– Еду в Саратов, устроился там на работу. А ты-то что?

– Да я учусь здесь.

– Понятно. Ты что – в кино? Мы – тоже. – Он широким жестом показал на своего товарища. – Пошли, что ли, а-то ведь время...

– Да нет, понимаешь, я девчонку одну жду. С ней собрался в кино...

– Ну, ладно тогда. Счастливо! Мы пошли.

Оба парня скрылись в кинотеатре.

Время было без трёх семь. Люди всё ещё шли. Юноша опять стал смотреть на входящих. Но его девушки не было.

Внезапно его взгляд встретился с взглядом другой девушки. Она как-то задумчиво смотрела на юношу. В руках у неё был билет в кино.

Юноша заскользил глазами по ней. У неё было хорошо сложенное тело, фигура, красивая причёска, и приятное симпатичное лицо без каких-либо явных признаков косметики. Правда, ногти на её пальцах рук были покрыты ослепительно-красным, алым лаком. Он залюбовался её руками и перевёл взгляд на ноги.

Если бы я был с ней знаком! – подумал юноша. Очевидно, девушка подумала о том же. Она нерешительно сделала шаг по направлению к нему, но заметила, что он остался недвижимым, и лицо его по-прежнему спокойно, остановилась, а затем и вовсе развернулась и пошла к входу в кинотеатр.

Перед тем как в него зайти и отдать билеты контролёру, она опять оглянулась и взглянула на юношу. Он продолжал смотреть на неё, но по-прежнему оставался на том же месте, и, с явным сожалением, смотрел вслед ей. Девушка немножко помедлила, но затем решительно шагнула внутрь.

Юноша проводил её взглядом, и подумал: Если бы у меня была такая девушка! Она ему сразу понравилась, но он не решился познакомиться с ней. Если бы я был с ней знаком... Кроме того, он ждал здесь совсем другую девушку. Может быть, я с ней когда-нибудь ещё встречу, и буду тогда решительнее...

Девушки по-прежнему не было. Юноша взглянул на часы – семь ровно. Он медленно направился к входу. Там стояли две пожилые женщины и заглядывали внутрь. Контролёрша стояла в дверях и не пропускала их. Начался журнал.

– У вас нет лишнего билетика? – спросила одна из них у юноши.

Юноша остановился и, мгновенно подумав, ответил:

– Есть. Даже два.

– Вот и хорошо. Вы не продадите их нам? Вам никакого убытка...

Женщины заплатили юноше за стоимость билета, взяли билеты и прошли в кинотеатр.

Юноша зажал деньги в кулаке, развернулся и пошёл в противоположную сторону к улице. Начал подниматься по лестнице. Внезапно ему подумалось: Ни какого убытка. Ни какого убытка...

Он уже почти поднялся до самого верха лестницы к проезжей части улицы, когда рядом появилась его девушка, державшаяся за руку молодого человека с усиками, одетого в элегантный и модный кримпленовый костюм.

– Привет, – сказала она, заметив остановившегося и замершего на месте юношу.

– Привет, – успел ответить он, как девушка вприпрыжку проскакала вниз по лестнице, не выпуская, впрочем, руки молодого человека с усиками.

Юноша остался на месте и проводил её взглядом, дождавшись, пока они не зашли в кинотеатр. Билеты у них были. Ему почему-то было очень горько.

Нет, не потому, что девушка не пришла к нему, не потому что, пришла с другим, а совсем по другой причине, которую он не смог бы, пожалуй, даже объяснить. Горько, потому что горько.

Он неторопливо пошёл по тротуару, держась почему-то той стороны, что прилегала к домам и, время от времени, зачем-то прикасаясь левой рукой к стене. В правой руке, в крепко сжатом кулаке он по-прежнему держал деньги. Один бумажный рубль с двумя металлическими полтинниками.

И ему почему-то всё вспоминалось: Ни какого убытка, ни какого убытка, ни какого убытка...

Гулянов

Наконец матроса Гулянова взяли в далёкое плавание! И куда?! В Океанию! В Южные моря!

В Океанию! В Океанию!

Весь день Гулянов подпрыгивал, беспричинно смеялся и улыбался.

Океания!

Тысячи островов!

Коралловые атоллы! Чернокожие островитяне! Пираты! Жемчуг!

Золото! Попугаи! Звёзды! Пальмы! Приключения! Океан!

Океания! Оке – ания!!!

Ла – ла – ла – ла! Ла – ла, ла – ла, ла – ла!

Турум – пумпум, пумпум – пумпум!

Наконец – то, стрелки на комнатных часах достигли отметки четыре.

Гулянов сложил собранные вещи в чемоданчик, оделся в парадную матросскую форму и быстро выскочил на улицу. Ему повезло – он тут же поймал такси и поехал прямо в порт.

Острова! Острова! Океания!

Папуасы и я!

Акулы! Приключения!

Тра – ля – ля! Тра – ля – ля!

Подъехав к морскому порту, он уплатил таксисту за проезд, и вышел из машины.

В голове его звонко стучали африканские тамтамы и ревели морские коровы. В эту музыку врвался зубовой скрежет акул и радостные приветственные крики островитян. По заасфальтированной дорожке, ведущей прямо к кораблям, Гулянов быстро рванулся к причалу. Только ветер засвистел у него в ушах, как кто-то вдруг схватил его в объятья.

– Ай – яй – яй! Матрос Гулянов! Что это с вами? – спросил знакомый смеющийся голос.

– Василий Петрович! – сказал смущённо Гулянов широкоплечему моряку в форме капитана I ранга. – Извините меня! Но я спешу. Сегодня я отплываю на корабле «Звёздный» в Океанию.

– В Океанию! – ещё раз прокричал он, вырвавшись из рук моряка, и бросился бежать с ещё большей скоростью.

Вот и корабль.

Гулянов стремглав взлетел вверх по трапу, но дальше пройти уже не смог. Его остановил какой-то тип в прорезиненном плаще.

– Эй, салага, ты куда прёшь?

– Я матрос Гулянов, на корабль, а ты кто?

– Во-первых, не ты, а вы; а во – вторых, я – штурман Жеуд.

– Пропустите меня на судно!

– У нас не судно, а корыто. Понял?

– Да! Ну, пропустите же меня!

– В-третьих, капитан приказал не пускать посторонних. Понял?

– Да отстань ты от новичка! – к штурману неторопливо подошёл молодой матрос, обнажённый по пояс. Его крепкое, загорелое до черноты тело с сильными мускулами так и блестело на солнце.

– Гулянов, пошли со мной, – позвал он.

Они вместе спустились в матросский кубрик.

– Здесь наверху у иллюминатора, – моя койка, а внизу – твоя. Согласен?

– Да!

– Зря ты так рано пришёл. Мы уйдём ещё только через четыре часа. Слушай, давай мы с тобой будем корешами. Меня зовут Кремнёв Никита. Фамилию я твою уже знаю, а как твоё имя?

– Василий.

– Ну что же, Василий Гулянов, клади сюда свои вещи и пошли.

– Куда?

– Наверх. Прогуляемся, да и штурмана твоего пугнём.

Они поднялись на палубу.

Штурман уже ждал их появления. В предвкушении этого он уже держал в руках ведро с водой и швабру.

– В наказание за то, что спорили с начальством, будете мыть палубу, – сказал он, вручив всё это Гулянову. Затем не поленился, сходил в трюм и принёс ещё одну швабру.

– А это тебе! – сунул он её Кремнёву.

Что делать, пришлось Гулянову и Кремнёву перед отплытием в солнечную Океанию драить палубу.

Когда матросы сделали вид, что вымыли половину совершенно чистой палубы, штурман отвернулся от них к берегу и стал разговаривать со стайкой школьниц, припорхнувшей посмотреть на отходящие корабли. И тут матросам пришла в голову, как им показалось, совершенно замечательная идея. Кремнёв принёс наверх из трюма пустую бочку из-под сельдей и шваброй подтолкнул её в сторону штурмана. Быстро скользя по мокрой палубе, железная бочка с грохотом покатила на штурмана Жеуда.

В это время большая волна с моря чуточку накренила корабль, Жеуд наклонился, бочка ударила его по ногам, и штурман полетел за борт. Между берегом и кораблём было порядочное расстояние, заполненное водой. Туда-то и полетел бедный штурман.

Когда из воды появилась негодующая физиономия штурмана, ничто не могло удержать матросов и школьниц. Их весёлый смех всколыхнул всех чаек порта.

– Я вам покажу смеяться, – разозлился Жеуд, когда наконец-то смог по сброшенной ему сверху матросами верёвочной лестнице подняться на корабль. – Я отучу вас смеяться.

Он посмотрел на матросов, на бочку, на швабры, и снова на матросов.

– Теперь вы будете мыть... мыть, нет, теперь вы будете чистить корабельную трубу!

Что же, опять пришлось Гулянову и Кремневу подчиниться приказу штурмана. Они обвязались страховочными тросами, прикрепили их к мачтам и медленно полезли на огромную, широкую и необъятную трубу. Школьницы в это время уже весёлой стайкой шли к другим кораблям.

Снаружи труба была ослепительно белой, с синей полосой по середине. А вот внутри!.. Такая грязь, такая чернота...

Матросы прикрепили вёдра, взяли швабры и с большим усердием начали тереть внутреннюю сторону трубы. Прошло всего несколько минут, и вода в вёдрах стала чёрной как смола. А труба – как была грязной, так грязной и осталась. В этот момент на палубе, как раз около трубы, появился штурман Жеуд и посмотрел наверх. Он был в белой накрахмаленной форме, в белой рубашке с золотым крабом.

Матросы переглянулись.

Кремнев взял ведро и внезапно опрокинул его в сторону штурмана. Водопад чёрной грязной воды обрушился с огромной высоты на Жеуда.

– Извините, мы нечаянно! – прокричали вниз матросы.

– Идиоты! Подлецы! Что вы сделали!? Это же мой парадный китель! – навзрыд заплакал внизу штурман.

– Мне его жалко, – нерешительно сказал Гулянов.

– Да что его жалеть? Шкура, он и есть шкура! – упрямо сказал Кремнев.

Штурман в это время, увидев, что на корабль поднялся капитан, бросился к нему. Видимо жаловаться.

Через несколько минут громкоговоритель порта объявил: – Через тридцать минут в Океанию отплывает научно-исследовательское судно «Звёздный».

Матросы стремглав бросились вниз, спустив туда же своё снаряжение. Кремнев побежал переодеваться, а Гулянов – приводить в порядок одетую на нём, но так и не испачкавшуюся парадную матросскую форму, поскольку другой у него пока не было.

Через полчаса на палубе выстроились матросы и офицеры. Среди офицеров был и штурман, вновь одетый в белоснежную форму.

Вот встал в строй капитан. Он был в своей повседневной синей форме. Он показался чем-то знакомым Гулянову. Но его сейчас интересовало совершенно другое. Он смотрел на родной советский берег, который вряд ли сможет увидеть в ближайшем времени. Зазвучали торжественные звуки «Интернационала», и корабль дрогнул. В нём ожили сильные машины. Алый стяг страны Советов, медленно колыхаясь на ветру, поднялся на самую верхушку мачты.

Корабль «Звёздный» вышел в открытое море...

Приключения начались.

Два дневника, записки и письма, или Небольшая повесть о любви

Записка.*

Фарит, мин эшке киттем. Ашны жылытып аша. Газны сундерерге онытма. Эниен.
12.05.1972.

Записка.*

Фарит, я пошла на работу. Согрей суп, поешь. Не забудь выключить газ. Мама.
12.05.1972.

Дневник Фарита Латыпова.

12 мая. Взял общую тетрадь, решил начать писать дневник. Со мной сейчас такое творится... Я хочу подумать. Писать почему-то больше не могу. Вдруг кто-нибудь всё это прочитает... Нет, не могу.

13 мая. Сегодня говорил с **Ней**. О Космосе. А она ничего, разбирается. Даже про туманность Андромеды знает. Витька подарил китайскую марку, на ней изображён их пограничник с нашим ПППШ. И сейчас, может быть, у них такое же наше оружие, наше... Сходил после уроков в кино. Так, лабуда...

14 мая. С мамой сходили в «Радиотовары» на Баумана и купили домой транзистор «ВЭФ». Хороший приёмник.

15 мая. Видел, как Она заехала Тимакову. Он ей что-то сказал, а она ему врезала учебником прямо по шее. Учебник был по географии.

16 мая. Ничего не хочется писать.

19 мая. Я хочу стать моряком. Интересно, берут ли после восьмого класса в «мореходку». Я бы поехал в Севастополь. Синее море и корабли. Она получила сегодня «5» по истории, а я – тройку по литературе. Мама недовольна.

Дневник Гульнур Замалеевой.

5 января. Встретила вчера Фарита на катке. Он катался с какой-то незнакомой мне девочкой. Она была одета в синий лыжный костюм и платье навывпуск, и всё время держалась за его плечо и руку, притворяясь, будто она постоянно падает. Воображала... Некрасивая, просто уродка какая-то! Я ненавижу Фарита!

6 января. Видела во сне Фарита и ту девочку с катка. Они целовались. Не понимаю, почему он приснился мне. И она тоже. Он мне совсем не нравится! Просто он сидит как раз передо мной, и вечно маячит перед моими глазами.

Сходила к Гале, немножко поболтали.

8 января. Зульфия пришла ко мне. Неужели Миша так делал? Я не могу об этом писать. И как только Зульфия может о таком рассказывать... Я бы никогда так не позволила. Неужели все мальчишки такие?

Завтра я еду в деревню, к бабушке.

20 января. Каникулы давно закончились. Опять учимся. Почему-то я всё время думаю о Фарите, а он на меня совсем не обращает внимания. Мне так плохо.

23 февраля. В классе был день Советской Армии – мальчиков день. Поздравляли их. Каждому подарили маленький бумажный пакетик, а в нём сувениры – пластмассовый красный солдатик и плоский зелёный пластмассовый танк. И ещё открытку – от девочек всего класса. Мы разделили – кому от кого писать. Мне достались Фарит и Костя. Само собой так получилось.

Открытка

Дорогой Фарит!

Поздравляем тебя с Днём Советской Армии и Военно-Морского Флота!

Будь всегда настоящим мужчиной!

Твои одноклассницы.

24 февраля. Он даже не заметил моей открытки. А я так старалась. Я сегодня спросила его – читал ли он её. Оказывается, нет. Ну и дурак!

6 марта. Сегодня был вечер. Мальчики нам подарили абсолютно одинаковые подарки – металлические брошки с мелкими камушками зелёного цвета. Идиоты! Двенадцать девочек, и все в одинаковых брошках...

Была ещё открытка. Мы танцевали. Меня приглашали – Костя, Валера, Витя. А Фарит – ни разу. Ну, и не надо!

Открытка

Гульнара!

Поздравляем тебя с Всемирным Женским Днём 8 Марта!

Желаем здоровья, счастья!

Твои одноклассники.

1 апреля. Так смешно было сегодня. Я обманула Фарита, сказав, что геометрии не будет. Он поверил и опоздал на урок. Я его ненавижу. Он совсем не смотрит на меня.

1 мая. Сегодня были на демонстрации. Он нёс какое-то большое знамя, или флаг, я уж не знаю. И как-то странно смотрел на меня. И даже подарил красный бант с иголкой. И ещё шарик красного цвета. Но почти ничего не говорил. Лишь улыбался. Идиот!

8 мая. Он постоянно оборачивается ко мне на уроках и как-то странно глядит. А на перемене совсем не подходит.

13 мая. Сегодня говорили с ним. О космосе. Он совсем чокнулся на астрономии. И на пришельцах. Я блеснула эрудицией, он даже рот раскрыл от удивления. Благо, что я книжку недавно читала «Туманность Андромеды». Какого-то Ефремова. Чушь, конечно, но пригодилось.

18 мая. Он стал совсем как ручная собачонка. На переменках всё время подходит ко мне. После уроков идём вместе домой. Даже портфель мой носит. Говорит, что ему так удобнее. А говорим больше о книгах, о космосе. Ради этого мне даже в книжках пришлось покопаться. Надо быть в форме, отставать нельзя.

26 мая. Последний день в школе. Каникулы! Какое волшебное слово! Так надоело учиться...

Завтра уезжаю в деревню, к бабушке. На всё лето. Фарит явно расстроен, но взял у меня адрес. Сказал, что будет писать письма. Ещё никогда не получала писем! Особенно от него. Мне будет скучно без него. Но я возьму с собой свой дневник, и буду писать в него всё-всё-всё – все свои мысли, чувства, ощущения...

8 июня. Получила первое письмо. Вот оно:

Гульнара, здравствуй!

Как ты живёшь в деревне? С кем играешь? Может, ты пасёшь коров и пьёшь молоко? С кем дружишь? У меня всё хорошо. Гоняю на велике и ловлю рыбу на Казанке. И ещё коплю деньги на телескоп. Пиши, Фарит.

Сразу же написала ответ:

Здравствуй, Фарит!

У меня всё хорошо.купаешь на речке, загораю, читаю книжки. Смотрю вечером телевизор. Иногда хожу в клуб на танцы или в кино. Пиши ещё. Гульнара.

22 июня. Почему так долго нет письма? Мы не так уж далеко находимся от Казани. Я познакомилась с Рустемом. Ему двадцать лет. Он сильный и злой. Вчера он так сильно обнял меня после танцев, что даже косточки хрустнули. Но приятно, особенно, когда он сжал грудь. Немного больно, но так чудесно...

23 июня. Сегодня мы с Рустемом целовались. У него сильные и крепкие зубы. Он весь такой твёрдый. Это так приятно, оказывается. Я сидела у него на коленках, и мне было так хорошо...

1 июля. Пришло письмо от Фарита:

Гульнара, здравствуй!

Что у тебя нового? Твоё письмо получил, но не смог сразу ответить. Был на отработке в школе. Копал землю, работал в теплице. А что делаешь ты? Когда приедешь? Пиши, Фарит.

Я не стала ему сразу отвечать. Пусть помучается.

Мы каждый день встречаемся с Рустемом. Он обнимает меня, целует... А мне так стыдно и так приятно. Мне с ним хорошо. Но только – это. Ничего больше. Мы с ним сразу договорились. Я ещё слишком маленькая для всего остального. Мне ещё рано. Но мне так хорошо и так сладко с ним...

Завтра поеду в Казань. На два дня. Может быть, увижусь с Фаритом, если ему повезёт...

Записка

Гульнур! Я приходила к тебе, но уже не застала. Когда приедешь в Казань, то обязательно зайди, пожалуйста, ко мне. 4 июля. Рамзия.

15 июля. Ответила Фариту:

Здравствуй, Фарит!

У меня всё хорошо. Недавно была в Казани, но тебя не видела. Сейчас опять в деревне. Писать, в общем-то, не о чем. Пиши. Гульнур.

17 июля. Сегодня Рустем уезжает. Он вчера меня так целовал... Везде-везде. Мне это так понравилось! А я ласкала его. Все руки испачкала. Потом мы сидели у колодца и мыли мои руки, и мои коленки. Мне было так хорошо. Жаль, что он уезжает к себе в Актаныш. Я дала ему Казанский адрес, чтобы заехал, если что... Мне будет так не хватать его сильных рук и нежных пальцев, и ласковых губ. Мне было так хорошо с ним, что я даже про Фарита совсем забыла.

25 июля. Пришло письмо от Фарита:

Здравствуй, Гульнур!

Я так соскучился по тебе! Приезжай быстрее. Я купил телескоп, и теперь могу вечерами смотреть на звёзды. Приедешь, я тебе всё расскажу и покажу... Приезжай скорее. Фарит.

Я ничего не ответила.

12 августа. Снова пришло письмо от Фарита:

Здравствуй, Гульнур!

Моё письмо видно не дошло до тебя. Я жду тебя дома. Приезжай скорее. Я купил телескоп и теперь мы можем с тобой вечерами изучать звёздное небо. И ещё я учу стихи о любви. Много-много. Приезжай скорее. Фарит.

18 августа. Я написала ответ:

Здравствуй, Фарит!

Поздравляю тебя с покупкой телескопа. Приеду в конце августа. Больше не пиши. Гульнур.

24 августа. Я скучаю по Рустему. Мне так его не хватает.

29 августа. Сегодня я приехала в Казань. Побывала в школе. Отрабатывать мне не надо, родители уже обо всём договорились. Встретила Фарита – он какой-то дёрганный. Потасил меня к себе, смотреть телескоп. Труба как труба. Причём тут звёзды? И что я в нём находила? Так себе, совсем мальчишка!

Ничего не понимает.

1 сентября. Учились первый день. Точнее, почти не учились. Ходили из класса в класс, праздничная линейка, поздравляли учителей.

Сегодня со мной познакомился Раис. Он из десятого класса. Высокий, крепкий. Тоже мальчишка, но постарше Фарита. Он поймал меня на перемене, перед самым уроком и поцеловал. Крепко-крепко. Я его люблю!

Прелестная девушка

Я стоял на остановке. Спешить мне было некуда.

Мимо проезжали автомобили, грохотали трамваи, но троллейбуса не было. Ни «двойки», ни «семёрки». Мне вообще-то было всё равно, на каком номере ехать.

Наконец, после двадцатиминутного ожидания появился троллейбус. Вышли люди. А вошёл я один, поскольку на остановке никого, кроме меня, больше не было.

Я стоял посередине троллейбуса, около входной двери, и не знал, куда бы мне притутиться. Потом всё-таки нашёл местечко и уцепился за ручку. Огляделся.

Передо мной сидели две девушки. Живут вместе, определил я, глядя на них и их одинаковые, чем-то набитые синие синтетические сумки. Откуда они, интересно, едут? Жаль, что я даже не посмотрел номер троллейбуса. Если «7-ка» – то значит, из Советского района, и вполне возможно, что это наши медички везут книги из библиотеки. Если же это «2-йка», то тогда они могут ехать из аэропорта, прилетели из дома на учёбу.

Взглянул на их лица. Мне было трудно смотреть сверху вниз, но я был буквально потрясён увиденным. Девушка, которая сидела ближе ко мне, была необыкновенной красавицей.

Её юное, слегка пухлое лицо обрамляли короткие русые волосы. Они придавали ей милое выражение, сходство с мадоннами эпохи Возрождения.

Она обернулась к своей подруге и о чём-то заговорила. А я смотрел на её лицо в профиль. Милый, приятный сердцу девичий профиль...

Слегка курносый нос, красивая линия лба и подбородка, прелестные алые губки. Нежная тонкая кожа.

Её мягкое, симпатичное лицо как бы было освещено изнутри особым светом, который придавал ей какое-то манящее звучание и колорит. Или, может быть, это только показалось мне тогда...?

Ровная чёлка покрывала её лоб и вызывала чувство того, что эта краса существует совершенно независимо от меня, и единственное, что я могу сделать, это смотреть на неё.

Девушка подняла голову и посмотрела мне прямо в глаза. Её взгляд был доверчивым, и в то же время серьёзным. Мы некоторое время смотрели друг на друга, потом я слегка отвернулся.

Через несколько секунд я опять посмотрел на неё. Она, в отличие от меня, не отвела своего взгляда и продолжала изучать меня. Она действительно была прекрасна, той самой особой красотой, которая всегда приятна сердцу, глазам и душе, и которая симпатизирует всем, видящим её.

Глаза её были светло-коричневые, с некоторой желтизной. Они пристально глядели на меня, как бы желая узнать, что же мне надо, безмолвно спрашивая меня об этом. Я смотрел в них, и постепенно утопал в их отчаянной глубине. Они завлекали меня своей таинственностью и необыкновенной простотой чувств.

Мы некоторое время продолжали свою зримую для нас, но невидимую для других бессловесную и, безусловно, приятную для нас обоих дуэль.

Девушка опять повернулась к своей подруге и продолжила разговор. Та сказала, что на следующей остановке – им сходить. Мы были у Ленинского садика. Приблизительно на полдороге я развернулся к выходу, и стал спрашивать у народа, сходят или нет стоящие впереди меня люди. Девушки поднялись и встали за мной. Женщина передо мной пообещала пропустить меня и выпустить на остановке. Я снова искоса глядел на девушку, впитывал в себя её прелестные черты, стараясь запомнить её на будущее.

Мы всматривались друг в друга, как бы желая опознать, узнать то, что нас привлекало.

Троллейбус остановился, и мы вышли. Я ненадолго остановился около здания почты, чтобы пропустить девушек вперёд.

Она была в длинном зелёном ворсистом пальто, небольшого роста. Они шли впереди меня и о чём-то переговаривались. Она же иногда чуть оборачивалась назад и смотрела, где я нахожусь.

Мы завернули за угол, и вышли на улицу Баумана. Девушки зашли в канцелярский магазин. Я в последний раз взглянул на неё через стеклянную дверь, она как раз повернулась в профиль, и пошёл дальше.

Я шёл по улице и мысленно рассуждал. Мне ли, говорил я сам себе, влюбляться в девушек в троллейбусах, и восхищаться их красотой. Да и зачем? Не могу же я гоняться за ними, преследовать их, и набиваться на знакомство.

Я заглянул в «Мелодию», в «Радиотовары», но ничего, из того, что меня интересовало, в этих магазинах не обнаружил.

Потом смотрю, эти девушки идут впереди меня.

Мы уже подходили к книжному магазину.

Я нагнал их и вместе с ними прошёл внутрь.

Так же одновременно мы вышли оттуда.

Я опять видел её и опять пожирал её жадным взглядом.

Стыдно! – внезапно сказал я себе. Стыдно себя так вести – как мальчишка! Совсем рас-
поясаясь.

Мне тотчас стало стыдно, хотя ничего предпринимать я и не собирался. Но даже того, что вышло совершенно случайно, хватало с избытком.

Нет, сказал я себе, больше так вести себя нельзя.

И пошёл в кинотеатр «Спутник». Но следующий сеанс был только через полтора часа, и я медленно побрёл к остановке.

Сел в троллейбус, который ехал в «парк», а в итоге привёз меня домой.

По дороге я думал о только что встреченной девушке, о странностях человеческого восприятия, об одиночестве, снова о девушке, об человеческих условностях, о морали, и о многом другом. Но это уже другая история и не о моей девушке, с которой я однажды вместе ехал в троллейбусе, и которая так восхитила и очаровала меня своей прелестной красотой.

Джульетте семнадцать лет

Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте. Хорошо сказано. Но, говорят, что Шекспир так не говорил. Так перевёл Пастернак. Но это даже и лучше звучит.

Жила Джульетта, и было ей семнадцать лет. Дети быстро растут, особенно чужие, но они всегда остаются детьми. До тех самых пор, пока не становятся взрослыми.

Юная Джульетта очень не хотела, чтобы ей не исполнилось восемнадцать. Там – уже закат, считала она. И, считай, что вся жизнь уже позади. Начнётся работа, семья, заботы. Оглядываясь не успеешь, как станешь бабушкой, даже если в это и не будет слишком вериться.

Мудрые нынче девушки пошли. Они хотят жить весело и беззаботно сейчас, пока всё хорошо, и надеяться на лучшее потом. А после всего этого, – быстро прощаться с настоящим и стремительно лететь в ослепительное будущее, если только оно не заведёт слишком далеко. А было бы ещё в сто раз прекраснее, если бы время остановилось, и она, Джульетта, была бы по-прежнему юна, хороша и непосредственна.

Так считала Джульетта, и поэтому всегда и везде старалась поступать в соответствии с этим. Поклонники буквально роились вокруг неё, пытаясь её прельстить и обольстить, но она никого из них не принимала всерьёз и, если и целовалась, то только в шутку, как бы не всерьёз, не ощущая при этом ни трепета, ни удовольствия. Она вообще была немного холодна и любопытна, и считала, что она не способна влюбиться. Ей нравилось побеждать и повергать ниц людей из чуждого ей мира. Ей нравились мужчины как таковые, и мужчины в частности, ну, почти также как могут нравиться породистые собаки или кошки, среди которых попадаются любопытнейшие экземпляры. Она даже ощущала по отношению к ним некоторую признательность за то, что они есть, за то, они позволяют себя изучать, потому что они позволяли ей ощущать свою собственную значимость и исключительность.

Она была исключительно притягательна и обаятельна, и её изысканно детское кокетство могло свести с ума кого угодно. Ей нравилось восхищать и покорять, но не более того, потому что на большее она, к сожалению, не была способна. Её идеалом была любовь, та любовь, в которой любили её, обожали её, выполняли все её капризы и думали только о ней.

Джульетта была красавицей, но не классического типа, а живой, вполне приятной девушкой, покорявшей всех своим обаянием и наивностью. Она была мила и привлекательна. Но, наверное, не более. Она была слишком юна, чтобы в ней было что-нибудь ещё.

И был Ромео.

Это был тоже довольно-таки молодой человек, правда, почти вдвое старше её. На вид довольно моложавый, но с морщинками у углов глаз и на лбу, быстрый, резкий, даже немного нервный. Иногда он выглядел глуповатым, иногда просто глупым, но чаще всего – умным и серьёзным. От него шли какие-то флюиды надёжности. Глядя на него, почему-то верилось, что друга он в беде не оставит, упавшему – поможет подняться, взлетевшему – помашет рукой.

Моментами он казался старше своих лет. Когда стригся, то сразу становился совсем юным. Он был большой и тяжёлый.

У него много друзей, знакомых девушек, но ни одна из них не задерживалась надолго в его сердце, и лишь некоторые из них изредка тревожили душу. Правда, никого из них он не забывал, и время от времени поддерживал отношения. Он не был ловеласом, вовсе нет. Просто он быстро увлекался, влюблялся, и даже любил, но очень быстро разочаровывался и ещё быстрее привыкал. А привычка и разочарование, в общем-то, – это одно и то же. И ни за одной девушкой ему не хотелось бежать сломя голову. Женщины нравились ему, но не оседали надолго в его памяти. Если он их видел, то радовался, а если не видел, то, большей частью, и не вспоминал. Он был странным человеком этот Ромео.

Он любил рыцарские романы и фантастические рассказы, копчёную колбасу и финики, марки и книги, и многое другое.

И вот они, наконец, встретились. На почте. Их быстро познакомили и развели. Они даже не успели всмотреться друг в друга. Но он потом очень долго вспоминал её зелёные глаза и несколько изумлённый взгляд. Он как всегда был несколько эксцентричен.

Потом они случайно увиделись в парке. Поздоровались. Потом – на улице, около её дома. Потом – в магазине, за углом. Потом – на дискотеке. Потом – у него дома. Всё было как всегда, но не совсем. Он грустил, она хандрила. И встречи их были немного странными. А потом и вовсе стали совсем холодными.

Ромео был нерешительным? Нет. Он был нетороплив.

Джульетта была разочарована? Немного. Она не получила того обожания, которого так жаждала. Но они не могли друг без друга.

Джульетте наступило восемнадцать лет.

И тогда наступил финал – Джульетта вышла замуж. Нет, конечно же, не за Ромео. За Ромула. С ним она познакомилась на дискотеке. Он выложил ей такой заряд нежности, любви, верности, доблести и чести, богатства и обольщения, что она, не раздумывая, сразу же согласилась. Она не выдержала такого напора событий.

Ромео не возражал. Да и что бы он мог поделать с влюблённой теперь не в него девушкой...

Джульетта всегда делала всё по-своему.

Джульетта вышла замуж.

Но это был не финал, это было только начало.

Интимные диалоги

Диалог первый

- Кто ты? Ты – женщина.
- Да, я женщина. И я люблю тебя.
- Меня?
- Да, тебя.
- Меня ещё никто не любил.
- Нет, все-все вас любят. Но никто ещё не признался.
- Все... любят... Почему?
- Вы хороший.
- Нет, не то. Почему никто не говорил мне, что любит?..
- Они думают, что вы выше этого. Что вы об этом не думаете.
- Я? Не думаю?! Я каждый день только об этом и думаю. И думаю: почему меня женщины не любят?
- Они вас любят.
- Они любят, но не любят.
- Они не любят, как вы хотите, как я хочу?
- Да, не любят.
- А тебе этого очень надо?
- Всем мужчинам этого надо. А я ведь мужчина...
- Мужчина...
- Всё-таки мужчина.
- Самый мужественный мужчина... Самый-самый... Ты для меня – единственный мужчина во всём мире. Во всей Вселенной... Я люблю тебя.
- Люблю...
- Только ты...
- Только я... Да как же всё это!?

Диалог второй

- Вы замужем?
- Да.
- Почему тогда у вас кольцо на левой руке?
- Я развелось два года назад.
- А дети есть?
- Сын. Ему сейчас четыре года. А почему это вас интересует?
- Потому что вы нравитесь мне. Могу я хоть что-то узнать из жизни женщины, которая очень мне нравится?
- Но к чему?
- Не беспокойтесь, я не собираюсь связывать с вами свою судьбу. Но мне хотелось бы лучше узнать вас. Вы не смогли бы осиротить своего сына на один вечер?
- Это как?
- Провести этот вечер со мной. Не бойтесь. Вам не обязательно спать со мной, это всё на ваш вкус и на ваше желание. Я предлагаю просто съездить в ресторан, погулять, поговорить. Конечно, можно целоваться, если вы этого пожелаете...
- А почему именно я?
- Вы мне нравитесь. Если бы я был помоложе, и если бы не было за мной всей моей прожитой жизни, то тогда, конечно, я бы задумываясь, на коленях просил бы вашей руки и

сердца. Но, увы, года берут своё... И мне может даже хватить просто общения, чтобы уже быть счастливым.

Вы такая женщина, что право я смущаюсь перед вами... Я вновь ощущаю себя ребёнком. Я невольно стремлюсь к вам и невольно опасаясь вас. Насмешки? Нет. Непонимания... Вот что страшит меня больше всего. Несостоятельность – это ведь дело техники, опыта. А понимание... Оно или есть, или его нет вовсе. Абсолютное понимание – оно тоже унижает, но при полном снисхождении к понимаемому, – окрыляет чувством сообщника. Вы меня понимаете?

– Не совсем.

– Бог создал вас, чтобы вновь озарить мне путь. Мне очень одиноко. Не здесь, а вообще. Ведь я один на свете, как, впрочем, и все люди. Есть мама, но это другое. Понимаете? Есть друг, он всё слушает, всё понимает, почти всё, конечно же, но это тоже другое. Нет сообщника, нет того, с кем ты соединён тайной и незримой связью. Вы знаете, я не умею ревновать. Я ничем на свете не дорожу, и жить могу безо всего. Но, впервые увидев вас, я почувствовал, что ради вас я мог бы пойти на безумство. И я могу всё... Вы проведёте со мною вечер?

– Конечно. И не только вечер...

Жизнь – это тоже подарок

– Ты знаешь, я больше не могу, – сказала она после очередного аборта. – Я не могу ещё и ещё раз убивать своих не рождённых детей. Я лучше уйду от тебя.

– Уходи, – ответил он.

И она ушла.

Через некоторое время ему приснился сон. Первый за последние пять-шесть лет. Он перестал их видеть после смерти матери. Тогда он много переживал. Потом перестал. И перестал видеть сны. Но одновременно с этим он перестал любить. Любить женщин. Он занимался с ними любовью, он занимался с ними сексом. Он ухаживал за ними, он восхищался их телом, их умом, просто ими как красивыми и изящными человеческими существами, но не любил. И не дорожил ими. Он не держался за них. Правда, женщины любили его, старались изменить. Но ничего у них не получалось.

А тут он увидел сон следующего содержания: было утро, он сидел на траве под берёзой неподалеку от медленно текущей реки. Тихо шелестели листья, в воде плескалась рыба. Солнечные лучи робко освещали его загорелое тело, отбрасывая нечёткую тень. Вдруг где-то послышались голоса. Они постепенно приближались. Это были дети. Две девочки и один мальчик. Мальчику было на вид лет семь, а девочкам – около трёх и около пяти. Они весело подбежали к нему и вдруг внезапно, резко остановились.

– Мы тебя любим, – сказала старшая девочка. А младшая молча кивнула головой. Мальчик смотрел исподлобья и ничего не сказал.

– Кто вы? – спросил он.

– Мы? Никто. Нас нет, но мы тебя любим, очень любим.

Он улыбнулся.

– За что?

– Ты наш... – она замолчала. А мальчик испуганно схватил её за руку.

– Я – ваш отец? – догадался он.

Дети кивнули.

– Но у меня нет детей...

– Мы те, которые не родились...

– Так вы...

– Мы приходили, но не родились...

– Я вас убил.

– Ты не дал нам родиться.

– Что я могу сделать для вас?

– Мы ещё можем прийти, если ты сделаешь нам подарок.

– Какой?

– Подари нам жизнь...

– Я не могу вас родить.

– Подари нам жизнь.

– У меня нет женщины.

– Подари нам жизнь.

Они смотрели на него с трогательной надеждой и верой.

– Мы будем тебя любить... Мы тебя любим. Подари нам жизнь...

Он проснулся. Он сидел в кресле, перед ярко светился своим пустым экраном японский телевизор.

Он долго курил на голодный желудок. До тошноты.

Ему было плохо.

Впервые после смерти матери.

На следующий день он позвонил ей, той женщине, которая ушла, той женщине, которая делала от него аборт. Три аборта. Другие его женщины от него не беременели.

Трубку взяла её мать.

– Я хочу видеть...

– Её нет.

– Где она?

– Умерла.

– Когда?

– Неделю назад.

– От чего?

– Сепсис.

– Похоронили?

– Да.

– Где?

Положили трубку.

Он впервые заплакал. Горькие, крупные слёзы катились по его щекам. Он всхлипывал и плакал навзрыд. Слёзы лились ручьём. Он оплакивал всех одновременно – и себя, и маму, её и своих детей, своих так и не родившихся детей... Он оплакивал весь мир, все его боли и горести, все надежды и потери.

Он впервые за многие годы узнал боль, познал горечь утраты, но, странное дело, ему стало легче. Прошлое отпустило его.

Он не мог подарить жизнь в подарок своим детям, не мог, но он видел их во сне, мог играть с ними и мог разговаривать. И они приходили к нему во сне. Играли, пели песенки, танцевали, целовали его, разговаривали, обещали вернуться и убегали снова в своё никуда.

А он оставался один. Всегда один днём, и всегда с детьми ночью. Она к нему никогда не приходила во сне.

Так проходили годы.

Он работал, жил и спал. А во сне встречался с детьми, которым уже не мог подарить самого главного – жизнь. Но он был счастлив, и никого не впускал в свою жизнь со стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.